

ИЦЕССА ДАВЫДОВА

ЗАСЫВШИЙ ШЕДЕВР

КАРАВАДЖО
ТЫ БОГ!

Серия "Без суда и следствия"

18+

Инеcса Давыдова

Застывший шедевр

Серия «Без суда и следствия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51361792

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91663-0

Аннотация

Новое дело отдела профайлинга – поимка серийного убийцы "воссоздающего" шедевры знаменитого художника эпохи Возрождения Караваджо. "Медуза", "Нарцисс", "Вакх", "Гадалка" – вот неполный перечень "картин", которые обнаружат сотрудники правоохранительных органов в подмосковных художественных музеях. После третьего убийства к расследованию привлекают международного эксперта Расмуса Бирка, который лишь взглянув на место преступления, понимает, что в музеях оставляет послания его бывший пациент. Когда-то он посчитал его не опасным для общества, теперь же профессиональная ошибка не дает ему покоя. Поймать убийцу – Бирк считает делом чести.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	34
Глава третья	80
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Инесса Давыдова

Застывший шедевр

Пролог

12 июня 2012 г., Эстония, Тарту

Бельгийский профессор истории и психологии Герберт Маттис на рекламном плакате выглядел словно голливудская кинозвезда: белоснежная улыбка, чуть припыленные седьмой виски, прямой нос, ямочка на подбородке и выразительные карие глаза. За месяц непрерывной слезки Линчеватель успел познакомиться с его второй, тщательно скрываемой от окружения, натурой: жестокой, беспощадной, злобной. Свое истинное лицо профессор не рискнул бы показать ни красавице жене, ни двум сыновьям-подросткам, а вот хрупкие милостивые блондинки с голубыми глазами частенько удоставались чести. Правда, после свидания с профессором они бесследно исчезали. Последней жертвой Маттиса стала семнадцатилетняя студентка Массачусетского университета. На второй день после его лекции о самосуде, когда сам профессор летел над океаном, волонтеры расклеивали по студенческому городку ее портрет с красноречивым вопросом: «Вы меня видели?»

В колонном зале университета Тарту студенты с шумом

заполняли свободные места. Белый рояль был накрыт зеленым сукном, на котором на время лекции разместились проектор, коробка со слайдами и музыкальный центр. Кто-то из студентов закрыл входную дверь. Через минуту по всему залу зазвучал женский глубокий голос. Свет начал гаснуть, студенты затихли. Из проектора вырвался пучок света, на стене замелькали слова песни, переведенные на разные языки. Линч сразу узнал голос американской певицы по ее ослабленно-ленивой манере исполнения – Билли Холидей.

*Южные деревья принесли неизвестные плоды,
Кровь на листве и кровь на корнях,
Черное тело раскачивается на южном ветру,
Неизвестный фрукт повешен на тополе.
Чудесный южный пейзаж.*

*Выпученные глаза и изуродованный рот,
Аромат магнолий, сладкий и свежий,
Потом внезапный запах горячей плоти.
Этот фрукт для вороньих клювов,
Для дождя, чтобы поливать,
Для ветра, чтобы иссушать,
Для солнца, чтобы разлагать,
Для деревьев, чтобы выжать его до капли.
Это странный и жестокий урожай.*

– Песню «Странные плоды» в 1999 году журнал «Тайм» назвал Песней столетия. Она была написана евреем-коммунистом, исполнялась негритянкой-наркоманкой, а слушала ее вся Америка... – разлетелся по актовому залу бархатистый баритон.

В центре зала, словно призрак, возник профессор Маттис. Его руки были спрятаны в карманах брюк. Он плавно раскачивался с пятки на носок и обратно.

– Эту песню я называю «Гимном самосуицида», процветавшего в Америке весь девятнадцатый и первую половину двадцатого века. За это время в США линчевали свыше трех с половиной тысячи негров и тысячу триста белых преступников. Не думаю, что среди них все были таковыми.

– Это некорректное выражение, профессор, нужно говорить «афроамериканцы».

Профессор сделал вид, что не расслышал замечание студентки, и продолжил лекцию.

– Виновного обычно били толпой, затем вешали, реже сжигали, фотографировались на фоне трупов, а потом рассылали в виде почтовых открыток. Вот такая своеобразная демократия.

На экране замелькали фотографии, на каждой примерно одинаковый сюжет: в фокусе повешенный или сожженный, а вокруг него разгоряченная, а порой и жизнерадостная толпа. В зале стояла такая тишина, что Линчевателю было слышно прерывистое и сиплое дыхание профессора.

– Вы видите одну из таких открыток, на ней казнь Лайге Дэниелса. Представьте, что такую открытку с наилучшими пожеланиями вам прислал кузен на Рождество.

По залу нарастающей волной пронесли язвительные комментарии.

– Да, вы правы. Мы в современной Европе, но подобное варварство у нас тоже случалось, хотя редко, эпизоды можно пересчитать по пальцам, – рука профессора взметнулась в сторону пучка света, в котором уже мелькнула следующая фотография. – Это Техас. 1920 год. В этом штате, как и во многих других, линчевание процветало. На этой открытке некий Джо написал своей матери: «Это барбекю, которое у нас было вчера ночью. Я слева у столба с крестом. Твой сын Джо». Его мать, наверное, им гордилась, хотя не помнила, как он выглядит. – Профессор хохотнул. – А иначе зачем он указал свое место на снимке?

В зале послышались короткие смешки. Профессор прошел совсем близко, оставив после себя шлейф из смеси запахов. Линч разделил их на составляющие: туалетная вода Hugo Boss, аэрозоль для обуви Salamander, кондиционер для белья и земляничная спрей для полости рта. Мрачная маска, намертво приклеенная на лицо Линчевателя, на мгновение дрогнула, а посетившая его мысль заставила от томления прикрыть глаза. Как же это одновременно символично и прозаично: профессор, читающий лекцию о самосуде, будет убит без суда и следствия. Ирония жизни!

Когда воцарившаяся в актовом зале тишина позволила профессору продолжить лекцию, на экране появилась новая фотография.

– А это Флорида. 1935 год. Курортный городок. Как видите, при линчевании присутствуют малолетние дети. – Профессор усмехнулся и развел руки в стороны. – Практически семейное мероприятие.

Смена слайдов, и профессор продолжил:

– Эта фотография облетела весь мир. Штат Индиана. 1930 год. Толпа из двух тысяч человек отбила у полиции двух обвиняемых в убийстве и изнасиловании негров. Ах, простите, афроамериканцев. Кстати, а как нам называть тех, кто заполонил Европу и волшебным образом обзавелся гражданством? Евроафриканцы? Еврочернокожие? – Профессор посмотрел в сторону сделавшей ему замечание студентки и хохотнул. Не дожидаясь ее ответа, ткнул пальцем в сторону проектора и с нарастающей истерией продолжил: – На дереве висят только что повешенные Томас Шипп и Абрам Смит – странные плоды, о которых нам только что пела Холлидей, а вокруг них так называемые добропорядочные представители гражданского общества.

Профессор еще долго комментировал снимки, которые могли посоревноваться между собой в жестокости и бессердечии. Линч на экран не смотрел, он знал каждую из показанных фотографий и мог подробнее профессора рассказать о любом из этих случаев.

Щелкнул выключатель, многоуровневые люстры из латуни осветили актовый зал пятью десятком лампочек. У белого рояля, как после гениально исполненного музыкального произведения, стоял Маттис. Его лицо расплылось в самодвольной улыбке, а голова то и дело склонялась в еле заметном кивке, принимая восторженные отклики и щедрые аплодисменты студентов.

Хрупкая голубоглазая блондинка выключила проектор и собрала показанные на лекции слайды в металлическую коробку. Покидая Эстонию, Линч увез ту самую коробку в качестве сувенира. На крышке красным маркером был выведен порядковый номер – «30».

†††

19 июня 2012 г., Москва

Полина Сергеевна пыталась заполнить пустоту неловких пауз темами из телевизионных новостей, но напряжение, словно скоростной поезд, нарастало, а зловещая мимика гостя приводила в ужас. Встречалась она с коллегой дочери не впервые, но так и не привыкла к его невралгии. Каждый раз, смотря в искаженное очередной гримасой лицо Бирка, она испытывала ощущение, что говорит не с человеком, а с биороботом, у которого сбилась программа, из-за чего он не может понять, когда ему нужно сопереживать и удивляться, а когда злиться.

– Попробуйте клубничное варенье, – любезно предложи-

ла гостю Полина Сергеевна и, дождавшись кивка, протянула фарфоровую розетку, – этот рецепт в нашей семье переходит из поколения в поколение. Сколько пыталась научить Русю готовить, все без толку, а вот Ася прекрасная кулинарка.

Гость попробовал варенье. Через стекла его очков в черной оправе хозяйка квартиры подметила, как веером прорезались морщинки вокруг глаз. Губы дрогнули в полуулыбке, но лишь на мгновенье, словно он боялся, что кто-то увидит эту чуждую ему эмоцию и случится что-то непоправимое.

– Очень вкусно, – искренне восхитился гость.

– Я, наверное, утомила вас своей болтовней. По телефону вы сказали, что хотите поговорить о чем-то важном.

Гость поправил очки на переносице и, тяжело вздохнув, встал из-за стола. Смерил комнату неуверенными шагами. Все в его облике кричало о сомнениях и нервозности. Она тут же пожалела о своей настойчивости, наверное, это было бестактно, нужно было дождаться, пока он сам заговорит.

– А почему вы называете ее Руся? – вдруг спросил он, поправляя шелковый шарф на шее, искусно скрывающий уродливый шрам.

– Это давнишняя и трагическая история.

– Расскажите? – казалось, гостя впервые что-то заинтересовало.

Полина Сергеевна пересела в кресло с чашкой в руках и, попивая чай, начала печальный рассказ:

– Каждый год на лето мы отвозили Киру к бабушке в Ка-

релию – рыбалка, грибы, прогулки в лесу шли ей на пользу. Но в тот год свекровь уехала к сестре, и мы отправили дочь в Ялту в пионерский лагерь сразу на две смены. Ей было восемь. А сами поехали в Ессентуки, уже тогда у мужа начались проблемы со здоровьем. Кире, конечно, ничего не сказали, не хотели волновать. К концу второго потока, когда мы уже собирались за ней ехать, нам позвонили и сказали, что дочь с нервным срывом попала в больницу. – Хозяйка квартиры хмыкнула и подняла глаза на гостя: – Представляете восьмилетнего ребенка с нервным срывом?

– Да, к сожалению...

– Ах, я забыла, – сконфузилась она, – такие случаи – ваша практика, а для нас это был нонсенс. Мы были выбиты из колеи. Пока мы с мужем добрались до Ялты, от догадок чуть с ума не сошли. Дочь была в ужасном состоянии, пугалась малейшего звука, постоянно плакала и в каждом прохожем видела монстра. Там мы узнали, что мальчик, с которым она подружилась, а говорили, что они были не разлей вода, внезапно исчез, а саму Киру нашли без сознания с процарапанным до крови боком, будто ее волокли по земле. Мальчика долго искали, но так и не нашли. Кажется, его звали Сашей... или Мишей... я точно не помню. Эта тема очень болезненна для Киры. Это он называл ее сначала Кирусей, а потом сократил на Русю. После того случая она еще долго всем представлялась этим именем, словно таким образом хранила о нем память. Мне кажется, это была первая и очень сильная

детская любовь. Жаль, что все так трагически закончилось.

– Да... жаль...

Все это время Полине Сергеевне казалось, что сослуживец дочери не слушает, а рассматривает книги на полках, но заданный им вопрос убедил ее в обратном.

– Вы говорили с родителями пропавшего мальчика?

– Нет, поговаривали, что должен был прилететь отец, но он так и не появился. Позже в больницу к дочери приезжали мать и старший брат-студент. Они тоже искали ответы, но беседа с Кирой им не помогла.

Из груди Полины Сергеевны вырвался тяжелый вздох. Ее визави не сводил с нее пристального взгляда.

– Но на этом, к сожалению, история не закончилась...

– Вот как? – Он снял очки и стал протирать линзы салфеткой.

– На следующий год Кира упростила нас снова отправить ее в тот же лагерь, а прибыв туда, дочь начала вести собственное расследование. Маленькая девочка устраивала допросы всем, кто мог быть свидетелем похищения ее друга. Несколько раз сбегала из лагеря и часами дежурила то в милиции, то на автобусной остановке. Нас корректно попросили ее забрать и показать специалисту. Персонал лагеря посчитал ее одержимой. Мы поинтересовались, зачем она это делает, на что она ответила, что ее друга без нее никогда не найдут. Мы не знаем, почему она так сказала. Ведь она ничего не помнила о произошедшем. Врачи, наблюдавшие ее

в Москве, сказали, что она заблокировала болезненные воспоминания, это своего рода защитная реакция.

Бирк закивал, соглашаясь с выводами врачей.

– Она так и не вспомнила. Если честно, я этому даже рада. После случая с тем мальчиком дочь помешалась на криминалистике.

– Выходит, случай из детства помог ей выбрать профессию, – весело подметил гость.

– Скорее всего... – с задумчивым видом согласилась Полина Сергеевна, затем взглянула на Бирка и обеспокоенно добавила: – Мы снова отвлеклись от цели вашего визита.

– Да-да, я хотел с вами обсудить один щекотливый вопрос, думаю, только вы сможете мне помочь. Дело, конечно же, касается Киры. Министерство в скором времени отправит на обучение в Европу одного следователя из отдела профайлинга. Полковник Лимонов обратился ко мне с просьбой выбрать из команды человека наиболее достойного. Вот почему мне пришлось всю прошедшую неделю изучать личные дела сотрудников. Так вот, я хотел спросить, как вы отнесетесь к тому, если я остановлю свой выбор на вашей дочери? Вы готовы, с учетом вашего состояния здоровья, обойтись без нее два месяца?

Бирк намекал на рак яичника, который недавно диагностировали пожилой женщине. На ее лице отразилась гамма чувств. С минуту она смотрела на стену, завешанную семейными фотографиями, глаза увлажнились.

– Плохая из меня советчица... – призналась она гостю. – Конечно, мне хочется, чтобы дочь была счастлива, а это возможно, если она реализует себя в работе... такой уж у нее характер. С другой стороны, я как мать желаю ей простого женского счастья. Если честно, доктор Бирк...

– Называйте меня Расмус.

– Расмус, отношения между нами не такие теплые, как бы мне хотелось. Моя младшая дочь не приезжает ко мне в гости, не звонит по телефону, чтобы узнать, как мои дела. Все новости из ее жизни я узнаю от Аси, моей старшей дочери. Кира всегда предпочитала общество отца, а когда он умер, замкнулась в себе. Это просто чудо, что после предательства мужа, которое, к слову сказать, высушило дочь изнутри, она подпустила к себе Асю и племянников.

Женщина сделала глоток уже остывшего чая и поставила чашку на стол.

– Если вы выберете ее кандидатуру, она вас никогда не подведет. Я знаю, какое место в ее жизни занимает работа, – это главное. По крайней мере, на данном этапе.

– А что вы скажете о ее муже?

– Романе?

– Они поддерживают отношения? С его стороны проблем не будет?

– Они больше года не общались, а месяц назад развелись.

– Правда? – В глазах Бирка блеснул огонек. – Этого нет в ее деле.

– Видимо, Руся еще не забрала из загса свидетельство о расторжении брака, – Полина Сергеевна кинула на Бирка встревоженный взгляд. – Это так на нее похоже... тянет до последнего...

Бирк никак не мог понять: мать сожалеет о разводе дочери или ей претит мысль о карьерном продвижении, которое еще дальше отбросит ее дитя от создания собственной семьи.

Для отвода глаз доктор задал еще несколько вопросов. Затем сослался на занятость и, взяв с Полины Сергеевны обещание держать их разговор в тайне, покинул квартиру.

Глава первая

30 июня 2012 г., Рязань

В субботнее солнечное утро вереница полицейских автомобилей с включенными проблесковыми маячками выстроилась перед желтым двухэтажным зданием художественного музея. За оградительной лентой, красноречиво говорящей о месте преступления, начали собираться зеваки.

Коренастый мужчина невысокого роста лет пятидесяти в чине полковника с парадного крыльца наблюдал, как перед зданием остановилось частное такси. На заднем сиденье мелькнул знакомый женский силуэт. Покрутив кончики усов, полковник Лимонов с раздражением прочистил горло и нахмурился.

Как по команде, двое молодых следователей оторвались от протоколов со свидетельскими показаниями и проследили за его взглядом.

Из такси выбралась миловидная женщина спортивного телосложения и, еле заметно прихрамывая на левую ногу, двинулась в сторону коллег. На ходу она спрятала кошелек в сумку, прихватила длинные каштановые волосы заколкой и расплылась в виноватой улыбке.

– Митяева! – накинулся на нее полковник. – Ты уже не на больничном! Почему опаздываешь?

– Я попала в аварию, – извинительным тоном произнесла

Кира и густо покраснела, – моя машина всмятку.

– С тобой-то все в порядке? – вскочил на ноги Громов.

– Почему нам не позвонила? Мы бы помогли, – поинтересовался его напарник Токарев.

– Едрён батон! Сама опоздала и коллег бы подтянула. Ничего лучше не придумал? – с раздражением выпалил полковник, перевел взгляд на Митяеву и спросил: – Где Бирк?! Я думал, вы вместе приедете?

– Он в Абхазии, исследует какую-то пещеру, – поведала Кира, заранее предполагая реакцию босса.

– Какая Абхазия?! У нас тут серийник объявился! – взревел с негодованием полковник.

– Так позвоните ему, он с радостью примчится, – усмехнулась Митяева. – Ваш дружок уже месяц изнывает без работы.

– Ладно, с Расмусом я сам разберусь, а ты иди с Близнецами.

Полковник вынул из кармана форменных брюк мобильный телефон и отошел в сторону.

– Пойдем, – Громов кивком показал на дверь, – введем тебя в курс дела.

Пробираясь сквозь толпу полицейских, Кира подумала, как бы смешно выглядело их совместное появление с Бирком. С недавних пор оба хромали на левую ногу. Правда, ее нога после неудачного падения быстро заживала, а вот нога Бирка будет еще долго его беспокоить, учитывая, что боль

носила психосоматический характер.

Близнецы, так прозвали в отделе Громова и Токарева, шли впереди, словно два тарана, расчищая коллеге путь. У входа в экспозиционный зал стояла коротко стриженная невысокая блондинка плотного телосложения с заплаканными глазами. Ее взгляд был направлен в центр зала, где столпились следователи и эксперты из столичной криминалистической лаборатории. Многих Кира знала лично, и встречаясь взглядом, приветственно кивала.

– Вы директор музея? – спросил у блондинки подоспевший Лимонов.

– Да, – она обернулась, – Мария Анатольевна Шубина.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. Пройдемте в ваш кабинет.

Жестом Шубина показала в сторону коридора и, развернувшись на каблуках, с озабоченным видом вышла из зала. Полковник последовал за ней.

Близнецы расступились. Кира увидела место преступления. В центре зала на паркетном полу в форме круга была натянута черная глянцевая пленка, вокруг которой каймой шириной в полметра возвышалась насыпь из песка. Ни трупа, ни пятен крови. Осматривая зал, Кира никак не могла понять, что тут произошло.

– Тело уже увезли, картину целиком можно увидеть только на фотках, – Громов протянул мобильник и показал несколько кадров. – Позже эксперт из лаборатории вышлет

снимки в хорошем разрешении.

Кира издала тихий свист, выхватила из рук коллеги телефон и увеличила первый снимок. На боку перед пленкой лежало мужское тело с согнутыми коленями. На нем была одежда, похожая на средневековый наряд: светлая рубашка с рукавами-фонариками, жилет с цветочным узором и кюлоты¹. На одной ноге до колена натянут зеленый гольф. Очень необычно смотрелись пшеничного цвета волосы, тщательно уложенные на прямой пробор и закрученные на концах.

– Убийцу спугнули, – пояснил Громов, – он явно не закончил. Охранник делал утренний обход, видимо, убийца, заслышав его шаги, вышел через вторую дверь в следующий зал. Бесшумно пересек его и подкрался сзади. Вырубил охранника электрошокером и скрылся.

– Где сейчас охранник? – поинтересовалась Кира.

– Его увез местный убойный.

– Что говорят работники музея?

– Все это, – Громов показал в центр зала, словно никак не мог подобрать слово, обозначающее в совокупности набор улик, – убийца принес с собой.

– Жертву опознали?

– Нет, – покачал головой Громов. – Но он точно не сотрудник музея.

¹ Кюлоты (фр. culotte) – короткие, застегивающиеся под коленом штаны, которые носили только аристократы. Вошли в моду во Франции в XVI в. и, видоизменяясь, дожили до XIX в.

Кира присела на корточки и стала рассматривать, как эксперт, облаченный в белый комбинезон и маску, раскладывала в ряд содержимое черного пакета. На полу уже лежали литровая пластиковая бутылка воды, пустой мешок из-под песка, остаток черной пленки, свернутой в рулон, и моток рыбацкой лески. Эксперт выудила последний предмет – бобину скотча – и встряхнула пакет. На расстеленную пленку высыпались мелкие песчинки.

– Мы просеяли весь песок и нашли вот это... – Громов показал на предмет, помеченный номером девять.

Посмотрев на улику, Кира подняла на коллегу удивленные глаза.

– Ракушка?

– Да. Морская ракушка.

– Что это за музей? – Кира оглядела висевшие на стенах полотна.

– Художественный – картины, скульптуры, посуда. Это зал европейского искусства, – включился в разговор Токарев. – В соседнем – выставлены русские художники.

– Ясно. Что мне делать? – Кира поочередно оглядела коллегу.

– Пока вникай... показания снимают местные. Мы тут – как наблюдатели и консультанты. Подождем распоряжений Лимона.

С минуту Кира смотрела, как эксперты снимают отпечатки пальцев с пленки. В памяти всплыл разговор с полковни-

КОМ.

– Лимон же сказал, что у нас серийник.

– Иван нашел похожий случай во Владимире, но там не все тело, а только голова. Подкинули на передвижную выставку неделю назад.

– Выставка картин? – уточнила Кира.

Токарев кивнул.

– Да, похоже, шеф прав, и у нас завелся серийник. Самозванец, – Кира показала на ближайшую картину, – который мнит себя художником. Считает, что его работа достойна этого музея.

– Но ведь это не картина, больше на скульптуру похоже, – возразил Токарев, – а они выставлены в других залах.

– Хм... значит, тут ему было по какой-то причине комфортнее, – сделала вывод Кира.

Громов предложил подождать шефа на улице. Коллеги вышли из здания.

– Так кто в тебя въехал? – спросил Токарев, закуривая.

– Это я въехала, – смущаясь, пробурчала Кира. – Какой-то лох прямо передо мной решил резко перестроиться для разворота в левый ряд. А я гнала под сто двадцать... спешила к вам... ударила по тормозам и пропахала дорожку на асфальте. Сзади от меня тоже такой подставы не ожидали... короче, машина всмятку с двух сторон...

– Понятно, – Громов почесал затылок, – как теперь без тачки будешь?

– Не знаю... я, если честно, еще от аварии не отошла.

– Поезжай домой, мы тебя прикроем, – внезапно предложил Токарев.

Из здания вышел полковник, и сотрудники отдела поспешили к шефу.

– Вадим, – на ходу обратился Лимонов к Громову, – останься здесь, добудь копии протоколов опросов всех свидетелей, если информации будет недостаточно, поспрашивай сам. Удели особое внимание охраннику.

– С местными проблем не будет?

– Нет, я говорил с начальником убойного, они готовы сотрудничать, даже рады нашему присутствию. – Повернувшись к Токареву, полковник распорядился: – Саня, езжай во Владимир, посмотри на ту голову, что подкинули на выставку неделю назад. Нам нужны общие знаменатели, чтобы забрать дела.

Лимонов открыл дверь «мерседеса» и сел за руль. Кира держалась подальше в надежде, что в отсутствии Бирка шеф не будет нагружать ее поручениями, и она сможет заняться оформлением справок для автокредита.

– Митяева! Чего скукожилась, как неродная? – Лимонов дождался, когда Кира приблизится к машине. – Сгоняй в морг, внимательно исследуй костюм жертвы. Может, заметишь, что-то женским взором. Нужно понять, зачем убийце весь этот маскарад. – Когда она по-деловому отчеканила: «Слушаюсь», он смягчился, показал на переднее пассажир-

ское сиденье и добавил: – Садись, подброшу тебя, раз ты теперь безлошадная.

†††

Автомобиль полковника медленно вырулил со стоянки музея и свернул на улицу Свободы. Положив сумку на колени, Кира пристегнула ремень безопасности и вопросительно взглянула на шефа.

Лимонов нахмурился и буркнул:

– Что?

– Начинайте свой допрос без преамбул, вы же меня не просто так в морг повезли, – улыбаясь, ответила Кира.

Полковник усмехнулся и съязвил:

– Ишь ты, изучила меня вдоль и поперек. Словечек нахваталась! Без чего, ты там говоришь?

– Преамбул, – хохотнула Кира.

– Что у вас там с Бирком? – гневно выпалил тут же полковник, охлаждая игривое настроение сотрудницы. – Как я понял, ты все еще живешь у него.

– Да, он ловко выдумывает новые причины, чтоб меня не отпускать, – с лица Киры медленно сползла улыбка. – Обучение ему так проще проводить. В любой момент можно посетить гостевой домик и преподать очередной шедевральный тезис. Иногда просит оказать ему услугу.

– Это вроде той, что ты его новая пассия для прессы? – спросил полковник, намекая на сделку между Бирком и Ки-

рой, которую, по ее мнению, они заключили на обоюдовыгодных условиях.

– Перед отъездом попросил пожить до его возвращения из Абхазии. Потом наверняка будет что-то еще.

– Я знаю Бирка шесть лет, – полковник притормозил перед поворотом и крутанул руль вправо, – скажу без обиняков, это не типичное для него поведение. Меня это настораживает. Не пойму, что на него так повлияло: дело Стачука или открытие отдела профайлинга? А может, ты?

– Не знаю. – Кира отвела взгляд, она и сама чувствовала, что за опекой Бирка что-то крылось.

«Мерседес» затормозил перед светофором. Чувствуя, что начальник чего-то недоговаривает, Кира спросила:

– Ну же, задавайте свой главный вопрос.

Зажегся зеленый свет, поток машин пришел в движение.

– Интерпол прислал запрос по делу Стачука².

– Какой еще запрос? – удивилась Кира. – Стачук разве не во французской тюрьме сидит?

– По их данным, его изувеченный труп выловили месяц назад вблизи острова Бора-Бора.

Кира присвистнула от удивления.

– Значит, Бирк был прав: они его выпустили. Черт!

– Похоже на то... – злобно буркнул Лимонов.

– Бирк всегда прав, – не то от злости, не то от восхищения,

² От автора: роман «Позывной «Черная смерть» из серии «Без суда и следствия».

выдала она.

Челюсть полковника заходила ходуном, из чего Кира сделала вывод, что это еще не все новости.

– Так в чем главный вопрос?

Лимонов затормозил перед моргом, выключил двигатель и повернулся влоборота к сотруднице. Смерил ее оценивающим взглядом, словно пытался понять, можно ли ей довериться в щекотливом вопросе, и сказал:

– Интерпол установил, что Бирк навещал Притулу в его парижском особняке сразу после экстрадиции Стачука, а тот, как ты помнишь, был пасынком Притулы. Так вот, Интерпол отработывает причастность Расмуса к смерти Стачука. Нас просят установить передвижения Бирка с момента экстрадиции Стачука до его смерти. А главный вопрос таков: сколько дней отсутствовал Бирк?

– Недели три его точно не было.

Полковник поджал губы. Кира поняла, насколько тяжело ему дается этот разговор.

– Ладно, держи рот на замке. Бирк не должен знать о запросе Интерпола.

Кира с готовностью кивнула и потянулась к двери.

– И вот еще что... Уверен, что Бирк пойдет на убийство только в том случае, если его жизни будет угрожать смертельная опасность. Но, как говорится, за худой головой и ногам не покой. Ты знаешь его странности, а вдруг сорвался? Ведь Стачука он сам взял, для него это было делом чести, а

правосудие так и не свершилось.

– Что конкретно от меня нужно?

– Узнай, где он был те три недели, но аккуратно, без шума, если что, этого разговора не было.

†††

В тускло освещенном мрачном холле морга, пропитанном запахом хлорки, Митяеву встретил санитар с вытянутым прыщавым лицом. Майор предъявила удостоверение и объяснила цель визита. Он открыл ближайшую дверь и крикнул: «Тут из полиции». Ответом была тишина, но по уверенному виду санитара Кира поняла, что призыв был услышан и в ближайшее время к ней кто-нибудь выйдет.

Через минуту в коридоре послышались тяжелые шаги, Кира подняла голову и встретилась взглядом с угрюмой женщиной необъятного размера. После короткой беседы Митяеву сопроводили в прозекторскую, где эхом разносился металлический лязг инструментов и с надрывом кряхтел кондиционер. Через тонкую футболку спину обожгла ледяная дрожь. Протянув Кире маску и медицинский халат, женщина-глыба прокричала в пустоту комнаты о том, кто пришел и по какому вопросу, кивком показала на узкую дверь в подсобку и решительно зашагала по коридору прочь.

Майор подставила ногу, чтобы не закрылась дверь, но все еще оставалась в коридоре. От лежащего на носилках под простыней тела, судя по очертаниям женщины, шел устой-

чивый запах гнили. Кира зажала нос платком, пропитанным настойкой гвоздики, который на такой случай держала в герметичном пакетике в сумке.

– Проходите, – послышался писклявый голос, а затем из-за двери подсобки показался невысокий, худощавый мужчина, закутанный в халат и маску.

Окинув прозекторскую цепким взглядом, Кира порадовалась, что не успела позавтракать. На столе лежало готовое к вскрытию, только что вымытое тело мужчины, покрытое трупными пятнами. Лысый череп, серое лицо, впалые щеки даже отдаленно не напоминали труп из музея.

– К вскрытию я еще не приступил, поэтому причину смерти пока сказать не могу. При первом осмотре мною установлено, что лицо и открытые участки тела жертвы были покрыты толстым слоем грима. – Показав на ногти, он добавил: – Ему посмертно сделали маникюр. Тело покрыто каким-то составом типа клея, я пошлю образцы кожи в лабораторию для химического анализа.

– А это что? – майор показала на металлический лоток, в котором были сложены валики розоватого оттенка.

– За щеками жертвы обнаружены ватные тампоны. – Вопросительный взгляд майора заставил патологоанатома выдвинуть свою версию: – Видимо, для того, чтобы щеки казались округлее.

Вещи, снятые с трупа, аккуратно упаковали в целлофановый пакет. Натягивая перчатки с ненавистным запахом

латекса, из которых вырвалось облачко талька, Кира скри-вилась в брезгливой гримасе и осмотрела пакет. В памяти всплыло убийство, которое ей пришлось расследовать в качестве следователя-новичка. На убитой женщине тоже был театральный костюм, но в тот раз это было вполне объяснимо – жертва была актрисой. Сейчас же совершенно иная ситуация. Жертву переодели, загримировали, словно натурщика, который должен был позировать художнику. Вот только натурщику не повезло, на месте художника оказался убийца.

На самом верху лежал парик с кудрявыми русыми прядями. Под ним Кира обнаружила один зеленый гольф из мягкой трикотажной ткани. Судя по зацепкам и потертости на пятке, он был неновым. Кюлоты из велюра были разорваны сзади по шву. С первого взгляда было ясно, что они на два размера меньше жертвы. Рубашка с круглым воротом из светло-золотистой ткани переливалась и искрилась под ярким освещением прожекторской. Самым дорогим предметом одежды оказался парчовый жилет с цветочным рисунком. По бокам Кира разглядела небрежные ручные стежки, из чего сделала вывод, что жилет, в отличие от штанов, ушивали. Она тщательно ощупала каждую вещь и обнаружила в подкладке уплотнение. Надрезав скальпелем несколько стежков, она увидела квадратную бирку «Прокат костюмов «Розовая пантера»».

Кира сфотографировала все вещи с разных ракурсов, уделив особое внимание бирке с логотипом. Повернулась к па-

тологоанатому и спросила:

– Вы можете мне назвать хоть примерное время смерти?

– Примерное могу. Два дня назад. Точно скажу после вскрытия.

– Какое у вас первое впечатление? – Кира знала, что задает неуместный вопрос. Эксперты не любят раскидываться неподтвержденными данными, но попытка не пытка. – Может, заметили что-то необычное?

Показывая на локтевые сгибы, где виднелись множественные следы от уколов, патологоанатом предположил:

– Скорее всего, он был наркоманом со стажем. Тело сильно истощено. Ждите моего отчета.

†††

Кира включила электрочайник и открыла холодильник. Соорудила бутерброд из вареного мяса, кудрявого листа салата и куска помидора. Заварила чай и ушла в любимую оранжерею. Погрузилась в просторное кресло из ротанга, окруженное с двух сторон раскидистыми пальмами, и вытянула ноги. Погладила место недавнего перелома и подумала, что уже пора приступить к регулярным тренировкам.

В холле зажглась хрустальная люстра и осветила статую Будды и черно-белую плитку. Послышались легкие шаги. Кира замерла в ожидании. Она никогда так поздно, да еще и в одиночестве, не сидела в оранжерее. Через стеклянную дверь увидела мелькнувший женский силуэт. Это была Ни-

на, в чьи обязанности входило озеленение дома и прилегающего к нему участка.

– Так и знала, что это ты. – Нина вошла в оранжерею и приветственно улыбнулась. – Слышала, что ворота открывались, но не слышала тарахтящего звука твоего драндулета. Ребята сказали, что ты приехала на такси.

Кира поведала об аварии. Когда тема была исчерпана, она спросила:

– Ты работаешь только на Бирка? Или у тебя есть другие клиенты?

Нина прошла вдоль вереницы экзотических растений, придирчиво осмотрела листья и только потом села рядом в кресло.

– Клиент у меня один – Расмус, но работаю я не только в этом доме, еще в квартире и в офисе.

– У Расмуса есть офис?

– Да, но он там редко появляется.

– Давно ты там работаешь?

– Год. Расмус меня предупредил про риск и нестабильную психику пациентов, но я все равно согласилась. Надо отдать ему должное, он все же подстраховался и выделил мне машину с охранником. Теперь я туда только в сопровождении езжу.

– Постой, что это за офис такой?

– Центр анонимной психологической помощи «Новая жизнь».

– Чем они занимаются?

– Оказывают бесплатные консультации.

– Большой штат?

– Медрегистратор и четыре врача, не считая Расмуса.

– Кто к ним обращается за помощью?

– В основном подростки из неблагополучных семей, но иногда приходят такие типы, что от страха мороз по коже. Помню одного, он раза три приходил к Расмусу, потом пропал. Внешность все время менял – бейсболки, очки и даже парики. Страшный тип. На маньяка похож. Я даже Расмусу на него указала, а тот отшутился. Сказал, что после его консультаций он никому не причинит зла. Мол, встанет на путь истинный. Но я сомневаюсь... такой не встанет...

Кира смотрела на Нину, вытаращив от удивления глаза.

«Ну Бирк и хитрец! – подумала она. – Расставил сети со всех сторон. Ему мало вылавливать маньяков после совершения преступлений, открыв клинику психологической помощи, он ухитряется их отслеживать в зачаточном состоянии».

– С психами надо быть настороже, – предостерегла новую подругу Кира. – А что у него за квартира? Такой же сумасбродный дизайн, как в доме?

Нина усмехнулась:

– Это квартира его матери. Там все чинно и солидно. Паркет, мрамор, хрусталь.

Кира вспомнила статью в журнале, которую читала, когда

только познакомилась с Бирком. На фотографиях, где он сидел в обнимку с бывшей невестой, была классическая обстановка.

– Мать и сейчас там живет?

– Она умерла, – с грустью ответила Нина. – Я ее не застала.

Расмус иногда приезжает в квартиру, но нечасто. Запирается в ее комнате и подолгу сидит.

– Трудно себе представить, что Расмус чей-то сын или родственник, – не сдержалась от откровенного признания Кира.

Именно это признание подтолкнуло Нину задать личный вопрос. Она кинула опасливый взгляд в сторону холла.

– Я все хотела тебя спросить, да неудобно как-то, – замялась она, в глазах блеснул лукавый огонек. – У тебя с ним все серьезно?

Кира пожала плечами, как бы говоря, что еще не определилась. Как же ей хотелось сказать, что никогда в жизни она не связала бы себя с такой мрачной и таинственной личностью, но между ней и Расмусом был договор, который она ни за что бы не нарушила.

– Просто вы не спите вместе. Ты в гостевом домике, он у себя в спальне. Как-то это странно.

– У странного человека странные отношения и привычки, – шутливо резюмировала Кира. – У нас все в норме.

– Ты его не боишься? Уж больно он... Как правильно выразиться? Нервный...

– Короче, ненормальный, ты хотела сказать? – создавая иллюзию спокойствия, усмехнулась Кира.

Нина, напротив, не улыбалась. Ее красноречивый взгляд предупреждал об опасности. Сегодня был день странных предостережений, будто вся вселенная сговорилась, чтобы вырвать ее из обволакивающего мира Бирка.

– Не переживай, со мной все будет в порядке, – успокоила ее Кира и, улыбаясь, добавила: – У меня есть пистолет.

Подруги пожелали друг другу спокойной ночи. Кира вышла из главного дома и, наслаждаясь теплой летней ночью, не спеша побрела к гостевому домику. На ходу она обдумывала слова Нины. Конечно, внешне Бирк выглядел законченным психопатом, о нем можно было с легкостью подумать, что он эгоистичный нарцисс, манипулятор, одержимый преследованием серийных убийц. Но интуитивно она чувствовала, что где-то там глубоко внутри скрыт одинокий, побитый жизнью и преданный близкими людьми человек, который все еще не потерял надежду на собственное счастье.

Глава вторая

2 июля 2012 г., Москва, отдел профайлинга

В конференц-зал Кира вошла за минуту до начала совещания. Лимонов демонстративно посмотрел на часы, но решил сделать замечание о повторном опоздании в беседе тет-а-тет. Опустился в кресло во главе стола и обвел присутствующих вопросительным взглядом.

– Кто начнет? Вадим?

Громов открыл блокнот и прочистил горло.

– Установили личность жертвы. Петр Довлатов, тридцать восемь лет. Исчез из хосписа три дня назад. В карте указан диагноз: рак в четвертой стадии, неоперабельный. Сам он уже не мог передвигаться. По мнению врачей, жить ему оставалось не больше месяца. В последний раз медсестра заходила к нему в палату в пять часов утра, он просил увеличить дозу обезболивающего. В восемь утра, когда она зашла проверить больного, его уже не было. Ни записки, ни одежды. Позвонили родственникам, те сказали, что давно с ним не общались и даже не знали, что он умирал.

– Вот те на! – воскликнул Токарев. – Родственнички!

Громов бросил на напарника упреждающий взгляд и пояснил:

– Я бы их особо не винил, учитывая его прошлое.

Вадим попросил Ивана вывести информацию о жертве.

Через минуту на плазменном дисплее появилась фотография Довлатова и длинный список правонарушений. Лицо жертвы было перекошено, будто от нагрева потекла восковая маска. Безумный взгляд ввалившихся глаз, кожа в язвах и гнойниках. С экрана на следователей смотрел наркоман со стажем.

– Подсел на герыч сразу после армии. Две ходки, по три и пять лет за кражу со взломом, последняя с отягчающим, избил охранника. В зоне, понятное дело, не кололся, но после отсидки брался за старое. Родственники думали, что он на третью ходку пошел.

– А что там с охранником музея? – Лимонов сложил руки в замок.

– Беседовал лично, – с усмешкой подметил Громов. – Местным он пропел, что выпил банку пива, уснул, проснулся под утро и пошел на обход.

Догадавшись, к чему клонит напарник, Токарев спросил:

– Лямур?

– Так точно, – кивнул Громов. – Ночью наш Ромео был не один. Зазнобу тоже допросил. Про пиво он, конечно, не соврал, но там не одна банка была. После секса оба вырубились, а когда проснулись, увидели на мониторе странное действо: мужик тащит мешок с песком и рассыпает в центре зала. Она схватила вещички, и будь здоров, а герой-любовник пошел выяснять, что за несанкционированная инсталляция в зале европейского искусства.

– Составили фоторобот? – с нетерпением спросил полковник.

– Нет, – Вадим покачал головой, – охранник утверждает, что тот сзади к нему подкрался. Я ему верю. Охранник парень крепкий, бывший десантник, в рукопашную его не каждый профи одолеет, а судя по приметам, убийца хилого телосложения, хотя и высок ростом. Вырубил охранника электрошокером и деру дал. Охранник только успел разглядеть у него на груди цифровой фотоаппарат.

– То есть убийца хотел заснять, так сказать, на долгую память свой шедевр, – резюмировал полковник.

– Видимо. Видеонаблюдения в хосписе нет, поэтому восстановить хронологию его передвижений невозможно. Хочу сегодня поспрашивать персонал и больных.

– Хорошо. Что у тебя? – обратился Лимонов к Токареву.

– У меня все глухо, – мрачно поведал Александр. – Саму голову уже захоронили вместе с телом. – Он раздал коллегам фотографии. – Посетители выставки обнаружили вибрирующую коробку. Из осторожности открывать не стали, позвали охранника. Тот приоткрыл, а оттуда змеи полезли!

Кира взяла фотографию и от удивления округлила глаза. К бритой женской голове вместо волос были прикреплены живые змеи.

– Фу! Мерзость! – воскликнул Свиридов.

– Медуза Горгона, – выдала Кира и отшвырнула фотографию.

– Голова пропала в похоронном бюро прямо перед церемонией прощания с родственниками, – продолжил доклад Токарев. – Открыли гроб, а там «всадница без головы». Умершую звали Антонина Власюк. 1976 года рождения. Работала в женской тюрьме. Умерла на работе от сердечного приступа. Но не думаю, что причина смерти та, что написана в отчете патологоанатома. Когда я позвонил в морг, там все занервничали.

– Когда ее похоронили? – уточнил полковник.

– Тело захоронили неделю назад, голову – два дня назад. Я еще не выехал из Владимира, как в полицию позвонили родственники Власюк и заявили, что не допустят эксгумации. В морге не стали проводить детальный осмотр, лишь отделили змей и отдали голову родственникам для захоронения.

– А есть фотографии со вскрытия Власюк? – спросил Громов у напарника.

Токарев отрицательно покачал головой.

– Говорю вам, с этим вскрытием и со смертью Власюк что-то не так.

– То есть голову могли отделить еще до вскрытия, а наш убийца ее просто выкрал, – предположила Митяева. – Если так, то убийца знал, что голова отделена от тела, и круг подозреваемых можно сократить.

– Работники тюрьмы, морга и похоронного бюро, – развил тему Громов.

– Опроси всех, – приказал полковник Токареву. – Выяс-

ни, кто занимался транспортировкой тела, кто имел к нему доступ. Подключай владимирский убойный. Я позвоню их начальству, согласую твой повторный приезд.

Полковник обвел всех пытливым взглядом и остановился на Кире.

– Митяева, докладывай.

Кира рассказала, что ей удалось узнать в морге, подробно описала состояние вещей, что были на жертве в момент смерти, а в конце доклада показала фотографию бирки в жилете и заключила:

– Нужно проехать в «Розовую пантеру» и расспросить о парчовом жилете, может, удастся найти того, кто брал его напрокат.

Полковник взглянул на двоих новичков в отделе. Обоим следственное управление выделило в отдел профайлинга временно.

– Этим займутся Марусевич и Глушко. – Разгоряченный новостями полковник вскочил с места и выпалил: – Подведем итоги! – Он повернулся к Кире: – Давай, Митяева, куй железо, пока горячо, обобщи, что имеем, и делай выводы. Дальше обсудим.

Под пристальными взглядами коллег Кира покраснела, в горле запершило.

– Убийца находится в начале своего пути, – робко начала она. – Если предположить, что эти два случая связаны,

modus operandi³ будет меняться с каждым убийством, потому что он молод и еще учится. Его действия не продуманы до мелочей, он видит лишь конечную цель – свое послание.

Свиридов вывел на обзорную доску шаблон таблицы профиля убийцы. Кира взяла маркер и вписала цифры в графу с возрастом.

– Ему не больше двадцати пяти. Он еще только пробует себя на поприще искусства, не зарабатывает им на жизнь. Возможно, его талант недооценили, или он так считает. В нем кипят отчаяние, ненависть и злоба, он во что бы то ни стало хочет заявить о себе, стать знаменитым. Мечтает, что его произведения будут стоять на одной ступени с творениями признанных мэтров, но в реальности его никто всерьез не воспринимает. Он слышит каждый день отказы и насмешки, но упрямо идет вперед. Агрессивен, но труслив, такой симбиоз удерживает его от убийства. Представителей власти боится, вот почему при виде охранника сбегает. Применив электрошокер, он мог связать охранника и закончить начатое, но он бросает все на полпути и скрывается. Думаю, он даже не сделал той самой фотографии, ради которой задумал свой проект. Но такой расклад будет не всегда, по мере продвижения к своей цели он будет крепнуть и смелеть.

Полковник вышагивал по кабинету, заложив руки за спи-

³ Modus operandi (лат.) – «образ действия». В криминологии служит одним из методов составления психологического профиля преступника и способствует в его идентификации и поимке.

ну. Коллеги внимательно слушали выводы Митяевой. Периодически кто-то одобрительно кивал, давая понять, что пришел к такому же выводу, но были и моменты, когда все сотрудники не скрывали удивления.

– Первые два случая его кое-чему научили. Он начал с кражи головы, а я уверена, что он ее просто выкрал. Он ждал признания, даже проверял заголовки газет, но, увы, его действия вызвали только осуждение и недопонимание. Сюжеты он выбирает заранее. Вторая жертва тоже выбрана неслучайно. Отверженный художник точно знал, что Довлатов обречен на смерть.

Кира повернулась к Свиридову и спросила:

– Отчет патологоанатома еще не пришел?

– Нет, – покачал тот головой.

– Не зная причины смерти второй жертвы, могу только предположить, что он умер либо преждевременно, либо случайно. Возможно, хотел утихомирить своего натурщика, а вышло, что убил. Я бы назвала нашего убийцу Отверженным. Он изгой для общества. Третий проект он тщательно продумает и точно доведет до конца. Учтет ошибки предыдущих случаев.

– Думаешь, теперь он по-настоящему убьет? – спросил Свиридов.

– Да. Выбор жертвы снова будет не случаен. Мне кажется, его внимание приковано к людям из группы риска – наркоманам, проституткам. Они не смогли построить свою жизнь

как полноценные члены общества, ничего не создали, ни к чему не стремились, а он дает им шанс на вторую жизнь, на искупление грехов.

– Власюк не была ни наркоманкой, ни проституткой, – жестким тоном парировал Токарев.

– Она работала надзирательницей в тюрьме. Согласитесь, не каждый пойдет на подобную работу. Думаю, если мы соберем о ней данные, то в итоге причислим к группе риска.

– Возможно, – буркнул полковник, сверля взглядом Токарева, – продолжай, Митяева, мы все во внимании.

– Поэтому я прихожу к выводу, что Отверженный пытается дать своим натурщикам вторую жизнь через задуманный им сюжет.

– Рядом с трупом лежала морская раковина, – напомнил Громов.

– Это сигнатура – визитная карточка убийцы. Он будет оставлять ее на каждом месте преступления.

– Но рядом с головой со змеями не было никакой ракушки, – возразил Токарев уже более спокойным тоном.

– Была. Просто на нее никто не обратил внимания. Но он не только оставляет, он еще уносит. Мне кажется, что во втором случае это личная вещь охранника. Отверженный забрал ее, чтобы потом неоднократно переживать в памяти «схватку», в которой, как убийца думает, он одержал победу. Эта вещь будет его подбадривать и вдохновлять. – Кира повернулась к Громову. – Нужно спросить охранника рязан-

ского музея, что он в тот день потерял.

– Брелок, – тут же ответил Громов, поднимая глаза от блокнота, – с раскладным ножом и штопором.

– Значит, мне нужно выяснить, что он унес с передвижной выставки, – задумчиво произнес Токарев.

– То, что он забрал, будет всегда при нем, как и брелок охранника. Он повесит его на самое видное место, а то и на собственные ключи и будет гордиться своим трофеем.

Когда Кира закончила, полковник вернулся в кресло и забарабанил пальцами по столу.

– Значит, это непризнанный молодой художник. Где нам его искать?

Кира развела руками:

– Не все сразу, Андрон Маркович, мы только начали.

– Хорошо! Это уже что-то! – с довольным видом произнес полковник и хлопнул себя по коленям. – Есть, кому что добавить?

Никто не ответил, и полковник раздал поручения:

– Вадим, езжай в хоспис, поспрашивай, что там да как. Саня, ты дуй в тюрьму, где работала Власюк. Узнай обстоятельства смерти. Разущи ее подружек, с кем она там общалась. Видать, в тюрьме ее смерть прикрыли как несчастный случай, и все шито-крыто, а тут мы со своим самоваром. – Полковник взглянул на новичков. – А вы, аты-баты шли солдаты, отправляйтесь в «Розовую пантеру», узнайте все про тот жилет.

Все повскакивали с мест и в считанные секунды разошлись.

– Ваня, мне нужна информация по жертвам, где родились, где учились, где влюбились... ищи связь. Нужны общие знаменатели.

– Хорошо. – Свиридов тоже покинул конференц-зал и, прихватив из кухни кружку дымящегося кофе, ушел в свой кабинет.

Кира оторопело смотрела на происходящее. Отсутствие поручения не сулило ничего хорошего. Полковник тяжело вздохнул и пошел к двери.

– Иди за мной, – буркнул он на ходу.

†††

Лимонов устроился в рабочем кресле, взял ручку «Паркер» – подарок Бирка к открытию офиса – и начал монотонно постукивать ею о стол.

– Когда начнешь вовремя на работу приходить? – как бы между прочим спросил полковник, не сводя взгляда с ручки.

– Вчера работница Бирка поведала мне, что он время от времени оказывает бесплатные психологические консультации в анонимном благотворительном центре «Новая жизнь». Утром поехала в их офис. Мне удалось добраться до списка регистрации, не спрашивайте как.

– Даже не думал, – пробубнил Лимонов.

– В период, который вас интересует, он дважды встречал-

ся с пациентом с псевдонимом Радуга.

– В какие числа?

– Десятого и двадцать второго мая.

Полковник отыскал последнюю запись в блокноте.

– Двадцать второго Стачук пропал из отеля.

– Значит, Бирк не убийца. В это время он был в Москве.

– Да, – полковник размял шею, – но теперь Интерпол считает, что он мог нанять киллера.

– В таком случае вместе с Бирком прицепом можно сразу всю нашу группу обвинить. У каждого был такой же мотив. Пусть прибавят сюда коллег Колокольцевой, у тех тоже зубы скрипели, когда пришла новость об экстрадиции. – Кира задумалась. – Тут что-то не то. Кто инициировал расследование?

Полковник резко вскинул голову, и она поняла, что именно здесь кроется разгадка нападок на Бирка.

– Вы знаете кто.

– Яковлев!

– Что? – Кира вскочила с места.

– Руководит следственной группой Васильев, мой давнишний знакомый. А на мысль о причастности Бирка к смерти Стачука навел его Яковлев, он уже месяц работает в Интерполе. Васильев им доволен, считает, что я потерял ценного сотрудника.

– Глеб далеко пойдет, – еле слышно подметила Кира и опустила в кресло. – Зачем Бирку алиби, если появилась

версия о киллере?

– Думал, что помогу Расмусу, но... придется отступить...

– Так что мне делать? Собирать информацию или нет?

– Не надо. Расмус вернется и сам все уладит.

Полковник махнул рукой, красноречиво давая понять, что тема закрыта, но Кира не успокаивалась:

– Вчера вы подозревали его в убийстве, а сегодня снова защищаете.

Лимонов заерзал, подобных выпадов он не прощал. Но винить кроме самого себя было некого. Не обдумав план, он открылся сотруднице и теперь не отмахнется одним заверением, что все уладится.

– Поначалу я вспылил, – признался полковник, – все выглядело так логично, но потом... Оглядишься вокруг. Что ты видишь? – Лимонов подошел к стеклянной перегородке.

– Офис, – коротко ответила Кира.

– Помещение, оборудование, компьютерные программы – все это Расмус Бирк. Он годами лелеял идею открытия в России отдела бихевиоризма. Не думаю, что он пойдет на такой риск, как убийство Стачука. Тем более учитывая тот факт, какое это было громкое дело.

Кира обвела взглядом офис и подумала, что полковник прав, Бирк рисковать не будет.

– Пусть Расмус сам все уладит, – повторил полковник и вернулся в рабочее кресло. – Звонил ему вчера, вернее, Со-то, сам он ни по одному телефону не доступен. Расмус сей-

час в пещере, но как только экспедиция поднимется наверх, Сото передаст ему, что мы взяли новое дело.

– А мы взяли это дело? – удивилась Кира. – Я думала, мы просто консультируем Рязань.

– С твоими выводами я полностью согласен: отверженный художник снова убьет, а это будет третий случай, и попадет под нашу юрисдикцию. Ты вообще меня сегодня приятно удивила, Митяева.

Кира смутилась, понимая, что услышать такое от полковника дорогого стоит.

– Не думал, что ты так преуспеешь в учебе. На больничном ты зря времени не теряла. Расмус тоже молодец и, как всегда, оказался прав.

Кира подняла глаза на полковника, он пояснил:

– Из всех сотрудников именно тебя он выбрал в ученики, а потом рекомендовал на курсы повышения квалификации в школу ФБР в Будапеште. Занятия начинаются через две недели. Надеюсь, к этому времени мы поймаем Отверженного.

От волнения у Киры запершило в горле, даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что сможет попасть на курсы ФБР.

– На твое направление осталось поставить две подписи: мою и замминистра. Это официальное собеседование. Если убедишь меня, что достойна, то к трем часам поедем в министерство, и вопрос будет решен.

Потеряв дар речи, Кира не сводила с полковника глаз. Как-то, прошла вечность, прежде чем она смогла заговорить:

– Я... не знаю даже, что сказать... это так неожиданно...

– Не стесняйся, – жестко произнес Лимонов. – Ты должна знать, что меня ждет, когда дашь согласие. Ты скажешь в министерстве то, что позволит понять логику Бирка при выборе твоей кандидатуры, особенно учитывая слухи о вашем романе. Так ты готова?

Киру сотрясала дрожь, но внешне она не выдала своих эмоций. Если она не закончит обучение в Будапеште, а такое нередко бывало с предыдущими кандидатами, в ее случае этого не забудут. Не потому что она женщина, а потому что протеже Бирка. Она разлепила пересохшие губы и произнесла:

– Я вас не подведу, Андрон Маркович...

– Этого мало! – крикнул полковник и стукнул кулаком по столу: – Аргументируй! Покажи, в чем твоя особенность.

– Не могу себя нахваливать.

– И не надо! Похваляю я в своей рекомендации. Скажи, почему ты хочешь работать в отделе профайлинга и поехать на курсы. Тебя будут рассматривать под микроскопом, будет учитываться все: стаж, раскрытые дела, развод, травма в последнем деле и даже то, что живешь у Бирка. Вдобавок Вадим на каждом углу разглагольствует о твоем желании уйти из отдела, мол, своими глазами видел заявление о переводе.

Аргументы в пользу своей кандидатуры Кира сначала вы-

сказывала робко, глядя в пол и ерзяя на стуле, но по ходу монолога осмелела, а в памяти всплывали все новые факты. Она рассказала, что еще в детстве составляла на друзей и знакомых психологические портреты. Подмечала то, что было скрыто от других. Что иногда даже провоцировала людей на поступки лишь для того, чтобы подтвердить тот или иной вывод. Затем поведала полковнику, что давно уже изучает приемы ФБР, и они сильно отличаются от методики Бирка. Они более системные и упорядоченные, но в то же время шаблонные, а извращенное сознание маньяка зачастую в шаблон не вписывается. Поэтому ей хотелось пройти курсы, чтобы разобраться, что из американской системы можно будет применить в их отделе, а что сразу отмести.

Разговор с шефом продлился без малого час. Когда она, вспотевшая и утомленная, вышла из кабинета, сил хватило только добраться до кулера. Она залпом выпила два стакана холодной воды и оглядела безлюдный, словно пустыня, офис. Через стеклянную перегородку Кира заметила, что Свиридов машет ей рукой, и поспешила к столу коллеги.

– Пришел отчет патологоанатома, – сообщил новость Иван, когда Кира села за свой стол. – Я сохранил его в базе.

Кира открыла базу данных и отыскала папку с новым делом, которому Свиридов присвоил кодовое имя «Художник». Открыла отчет о вскрытии Петра Довлатова, внимательно прочитала и сделала несколько заметок в блокнот. В графе «Причина смерти» было указано: «Неоднократное

воздействие электрошокера в области груди привело к остановке сердца». Дата смерти – 28.06.2012. Выходит, жертва после похищения еще сутки была жива. Это подтверждало ее догадки. Окрыленная собственной правотой, она с довольным видом потеряла руки и хотела выпить кофе, как услышала крик полковника.

– Митяева! Пора в министерство!

†††

Рязань, хоспис

От Свято-Иоанно-Богословского монастыря хоспис отделял высокий белокаменный забор. Громов припарковал «мицубиси аутлендер» перед невзрачным двухэтажным кирпичным зданием и выключил двигатель. Его внимание привлекла девушка, наблюдавшая за ним со второго этажа. Милостивое лицо не выражало никаких эмоций. Вадим подметил белокурые волосы, стянутые цветастым платком, и темную блузку, на фоне которой девушка казалась болезненно бледной.

«Такая молодая, а уже пациентка хосписа», – с сочувствием подумал он.

Громов стремительно поднялся по ступеням на крыльцо и бросил быстрый взгляд на табличку «Отделение паллиативной медицинской помощи». Ему навстречу вышла старшая медсестра и после стандартного приветствия пригласила пройти в ординаторскую. Пока они шли по коридору ми-

мо вереницы больничных палат, персонал с осторожностью поглядывал на следователя. По их лицам он понял, что о его визите не знала лишь кошка, вальяжно расхаживающая по отделению.

– Проходите, – со сдержанной улыбкой пригласила его медсестра.

В заставленной письменными столами ординаторской у окна стоял мужчина в медицинском халате и говорил по телефону. Судя по ответам, он говорил с родственником умирающего больного.

Громов вынул из кармана блокнот и освежил в памяти перечень вопросов, которые накидал еще в офисе во время совещания.

Закончив разговор, врач-паллиатолог поздоровался и сказал:

– Извините, у меня мало времени, так что хватайте быка за рога.

Разговор прервал скрип двери, в ординаторскую заглянула одна из медсестер, которую Громов видел в коридоре.

– У Ковалева резко упало давление, нижнее: сорок.

– Реакция на новые препараты? – быстро отозвался врач.

– Еще не успели дать.

Девушка скрылась в коридоре, врач, ни слова не говоря, выскочил следом. Громов решил не дожидаться его в ординаторской, нагнал его в коридоре и спросил:

– Где палата Довлатова?

– Там уже лежит другой больной, – бросил через плечо доктор и заскочил за медсестрой в палату.

Громов притулился к стене и стал наблюдать за действиями персонала. Мимо него величественно прошагала та самая девушка, что наблюдала за ним из окна второго этажа. В руках она несла упаковку апельсинового сока и скрученное в валик шерстяное одеяло. Из чего следователь сделал вывод, что она не пациентка, скорее ухаживает за родственником. Он проводил девушку взглядом до лестницы и снова повернулся к врачу. Тот уже сделал осмотр и скорректировал назначения.

На вопросы о пациенте он ответить не смог, сославшись на редкое общение. Выглянул в коридор, позвал старшую медсестру и, когда она подошла, дал указание:

– Катя, проводи следователя к Наталье, а потом ответь на его вопросы.

Женщина кивнула и повела Громова назад в вестибюль.

В приемной выяснилось, что Довлатова никто не навещал и не звонил. Тот же, напротив, много раз звонил из хосписа, так как своего мобильного у него не было, но итог этих разговоров всегда был один: он со злостью бросал трубку. За что персонал неоднократно делал ему замечания. В конце беседы регистратор поведала, что характер у Довлатова был задиристый и вспыльчивый. Он часто грубил персоналу, а однажды, не получив вовремя дозу обезболивающего, швырнул в медсестру ботинком.

Следователь поблагодарил за информацию и присоединился к старшей медсестре, которая с недовольным видом все это время ожидала его в коридоре.

– Я бы хотел осмотреть палату, в которой лежал Довлатов. – Громов потер травмированное на тренировке плечо.

Медсестра закатила глаза, давая понять, как ее нервирует его присутствие, затем качнула головой в сторону лестницы и пошла вперед.

– Как я понял, руководство просило вас провести опрос больных на предмет свидетелей похищения? – спросил он медсестру, чеканившую шаг, словно солдат.

Она обернулась вполоборота и закивала.

– Что удалось узнать?

– Никто ничего не видел. – Она развела руками, как бы извиняясь, и добавила: – Вы, наверное, это часто слышите.

Громов оставил ее догадку без комментария. Выезжая из Москвы, он предполагал, что обычный опрос свидетелей в таком учреждении невозможен – большая часть пациентов находится под воздействием обезболивающих препаратов.

Они поднялись на второй этаж, зашли в крайнюю дверь и оказались в палате с двумя койками. У окна стояла та самая блондинка в платке. Он проследил за ее взглядом и понял, что она смотрит на церковные купола. На койках лежали двое мужчин, один из них, примерно шестидесяти лет, был накрыт тем самым одеялом, которое только что принесла девушка. Больного бил озноб, на лбу выступила испари-

на. Его худощавое лицо имело серо-зеленый оттенок. Второй пациент спал, отвернувшись к стене.

– Как видите, это обычная палата, – вполголоса сказала медсестра, стараясь не разбудить спящего больного.

Громов осмотрелся. На окне решетка, через широкий дверной проем с легкостью проедет каталка. Рядом с палатой пост медсестры.

– А кто дежурил в тот день?

– Валентина.

– Могу я с ней поговорить?

– Она на больничном.

– Дадите ее адрес?

Медсестра кивком показала в сторону коридора.

– А лифт у вас есть? – спросил следователь, выходя из палаты.

– Лифт включается очень громко и перебудил бы всех больных. С полной уверенностью можно утверждать, что им не пользовались.

Заполучив номер телефона медсестры, Громов позвонил ей и в нетерпении переминался с ноги на ногу. Шли гудки, но на звонок не отвечали. Тогда он спустился в регистратуру и попросил ее домашний телефон. Опять потерпел неудачу и вернулся в отделение.

Следующий час он опрашивал персонал и больных, которые самостоятельно передвигались по коридору, и, не добившись от них новой информации, решил вернуться в Москву.

Громов вышел на крыльцо, вдохнул свежего воздуха и обнаружил, что рядом с его машиной стоит та самая блондинка.

– Вам здесь правду никто не скажет, – быстро произнесла она и двинулась вдоль дороги.

Девушка сняла платок и тряхнула головой. Пряди густых длинных волос рассыпались по спине. Она обернулась и убедилась, что он смотрит ей вслед.

– А ты?

– Не здесь... – отозвалась она и скрылась за поворотом.

Громов сел в машину и завел двигатель. Когда повернул за угол здания, девушка стояла у обочины. Он остановил машину и открыл перед ней дверь.

– Как тебя зовут?

– Никак... – отрезала блондинка, садясь на переднее сиденье. – Мой отец умирает в этом хосписе, не хочу, чтобы он пострадал от моего длинного языка. Езжайте на заправку, я сойду перед трассой.

Машина медленно покатила, держась ближе к обочине.

– Вам никто правду не скажет, потому что в хосписе принято ограждать больных от проблем извне. Им и так остались считанные дни, многие не доживут и до следующей недели, лишние переживания им не нужны.

Девушка перевела дыхание, с опаской оглянулась, осмотрела дорогу. Затем ее взгляд скользнул по окнам хосписа. Убедившись, что их никто не видит, она снова повернулась

к следователю:

– За день до исчезновения Петра я видела, как в хоспис приходил странный парень. Вел себя ужасно, врывался в палаты к больным, забирал еду, оскорблял всех, кто пытался его вразумить. Он ушел, как только персонал вернулся с планерки.

– Ты лицо его запомнила?

– Нет. Он прятал лицо под бейсболкой. Синяя такая... на ней была вышита надпись, что-то... – ее лоб прорезали тонкие морщины, – не помню, короче...

– Во что он был одет?

– В черные узкие джинсы и разноцветную футболку.

– Телосложение?

– Худой... даже слишком... высокий...

– Что он говорил?

– Кричал, что все цепляются за никчемную жизнь, что они ничего для бога не значат, что они жуки навозные. Думала, он снова заявится, зачем-то же он туда приперся, сами понимаете, нормальный человек хоспис будет стороной обходить, но нет, больше я его не видела.

Громов почувствовал, что она чего-то недоговаривает.

– Что еще? – спросил он и припарковался у автозаправки.

– Пациенты видели, как он выскочил из первой палаты весь в слезах. Сначала рыдал, сидя на полу, его начало штормить. Вырвало на линолеум, потом он наглотался каких-то таблеток, и его понесло. Мы думали, он нарик, таких тут

много крутится в надежде поживиться.

Следователь прожег незнакомку пронизательным взглядом.

– Ладно, вылезай, я поеду обратно. – Вадим хотел открыть пассажирскую дверь, но девушка запротестовала:

– Вы что?! Вам нельзя возвращаться, тогда они поймут, что это я вам рассказала.

– Слушай, я тут с тобой в игры играть не буду, я веду расследование убийства, так что ты мне под руку не лезь! – грозно выпалил Громов.

– Дайте мне слово, что не вернетесь, я вам все расскажу, а чего не знаю, так позже узнаю, – взмолилась девушка.

– Как тебя зовут? – снова спросил Громов.

– Вика, – еле слышно произнесла она и отвела взгляд.

– Так вот, Вика, говори, что знаешь, или я вернусь, и весь этот хоспис на ноги поставлю. – Вадим жестом показал в сторону кирпичного здания.

Оставалось загадкой, зачем она с ним сама заговорила. Могла бы промолчать, раз так переживала за отца. Но нет, она настойчиво привлекала к себе внимание с первых минут его появления.

– Первая палата – мужская, туда попадают больные, которых только перевели из больниц. Это своего рода приемный покой. Там лежат несколько дней, а потом их переводят в другие палаты. Так вот, в первой палате в тот день лежали двое: старичок, который умер на следующий день, и Артур,

которого потом перевели на место Довлатова в палату к отцу.

Громов пытался вспомнить парня, который спал лицом к стене. Обесцвеченные на концах пряди волос, клетчатая рубашка, трикотажные черные спортивные бриджи, в ухе прокол от серьги.

– После исчезновения соседа отец сказал, что у него пропали куртка и пакет с фруктами. Я подумала, что их мог взять тот самый парень. Он ведь отнимал еду у больных.

– В ночь, когда пропал Довлатов, ты была в палате?

Она покачала головой:

– Нет, я пришла к обеду.

– Твой отец что-нибудь видел?

– Его боли сильно мучили, не спал несколько дней, поэтому еще с вечера ему дали большую дозу снотворного, он проспал всю ночь. Ничего не слышал.

Он сунул визитку Виктории, попросил глаз не спускать с нового пациента и докладывать обо всех посетителях.

– Попытайся его разговорить, но не усердствуй. Если он причастен к похищению Довлатова, то насторожится и замкнется. Будь осторожна. Поняла?

Девушка распахнула пассажирскую дверь и пулей выскочила из машины. Громов не трогался с места, наблюдал, как она вышла на трассу и пошла к остановке. Он так и не понял ее мотивации. Подобное поведение не укладывалось в общую картину и дико раздражало.

†††

г. Тула, Центральный парк

Паренек плотного телосложения, запыхавшись после пробежки, опустился на скамейку у пруда и со стоном облегчения вытянул ноги. Летний ветерок теребил мокрые от пота волосы. Обтерев лицо подолом майки необъятного размера, он пытался восстановить сбившееся дыхание. Сердце, словно птица, запертая в клетке, готово было вырваться из груди. Сегодня он с трудом выполнил половину намеченной нагрузки. За последние недели он стремительно набирал вес, ни диета, ни чудо-чай для похудения, который купила ему мать, не помогали.

Он снял кроссовки, помассировал отяжелевшие ноги и огляделся по сторонам. Тусклый рассеянный свет фонарей еле освещал тротуар и береговую линию пруда. Вдоль берега плыла пара белоснежных лебедей, рождая в сознании определенные ассоциации. В памяти мелькнул образ девушки, с которой он месяц назад расстался, но телефонный звонок не дал ему погрузиться в мучительные воспоминания. На дисплее он прочитал: «Жандармерия» и ответил:

– Мама, я еще не закончил, осталось полкруга.

– Не слышу, чтобы ты бежал, – усомнилась мать.

– Я устал, присел на лавочку, – с раздражением возразил парень.

– Хорошо-хорошо, я просто хотела удостовериться, что с тобой все в порядке. Я приготовила ужин.

– Мама, ну какой ужин?! Я худею.

– Это легкий салатик: зелень, помидоры и огурцы, от него не поправишься. Ешь хоть целый таз. – Звонкий смех матери заставил его улыбнуться.

– Только лук не добавляй! Скоро буду, мам.

– Я без тебя не сажусь за стол. Так что не рассиживайся там на скамейке.

Он спрятал телефон в карман спортивных брюк.

Со стороны дороги послышался приглушенный стук и чье-то чертыханье. Паренек оглянулся и увидел молодого мужчину с костылями, пытающегося поднять с асфальта упавшие книги. Одна его нога была в гипсе. Он поднимал книги, а другие тут же падали.

Недолго думая бегун втиснул распухшие ноги в кроссовки и побежал навстречу незнакомцу.

– Давайте, я помогу, – услужливо предложил он и начал поднимать книгу за книгой.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил незнакомец и, опираясь на костыль, проковылял к синему фургону.

Бегуну ничего не оставалось, как последовать за ним. Незнакомец открыл нараспашку двери.

– Если вам не сложно, положите книги ближе к сиденью.

Бегун запрыгнул в фургон. Складывая книги стопкой, он невольно принялся к устойчивому запаху химикатов и брезгливо сморщил нос.

– Как же вы поедете, если у вас нога в гипсе?

Ответа он не услышал. Разряд электрошокера встряхнул тело, от чего оно, словно мячик, подпрыгнуло в воздухе и распласталось в фургоне поверх книг. Один кроссовок спал с ноги и отлетел на обочину. Отбросив костыль, мужчина проворно запрыгнул в фургон и захлопнул двери. Тщательно обыскал карманы доверчивой жертвы и изъясил мобильный телефон, ключи от квартиры и упаковку жвачки. С большим трудом он перевернул обездвиженное грузное тело на спину, аккуратно разрезал портняжными ножницами промокшую от пота футболку и осмотрел лицо и плечи.

– Хм... Так-сяк... не идеально, но приемлемо, – произнес, потирая взмокшие от перевозбуждения ладони, похититель.

Он перелез на водительское сиденье. Сняв накладной гипс с ноги, небрежно закинул его в салон и завел мотор. Фургон вырулил на дорогу и перестроился в крайний левый ряд. Одну руку водитель держал на руле, второй разобрал телефон жертвы и извлек сим-карту.

†††

За окном, словно клонированные копии, мелькали типовые пятиэтажки – серо-бетонное наследие советского времени. Сквозь приоткрытое окно на Токарева накатывал шум встречных машин. Рингтон «стрельба» на мобильном телефоне отвлек следователя от унылой урбанистики.

– Токарев, – отозвался он, зажимая телефон между щекой и плечом.

– Похоже, я вылетел, – с досадой констатировал напарник.

– Не может быть!

– Говорю тебе, Санек! Помимо заявленных вопросов на меня вылили кучу дерьма! Черт! Обидно! Батя говорит, кто-то явно сыграл на опережение: мне всучили дополнительные тесты. Дали какие-то карточки со схемами мест преступлений, нужно было по уликам дать оценку произошедшего. Кажется, там я и прокололся.

– А Кира?

– Не знаю. Мне сказали, что она уже покинула здание, хотя они с Лимоном приехали позже. Видать, результат еще хуже.

– Жаль, что из наших никто не поедет на стажировку, – искренне посетовал Токарев.

– Блин, я так настроился. Обидно. Накатить бы сейчас. Ты где?

– Во Владимире. Подъезжаю к похоронному бюро.

– Чего так поздно?

– Директор бальзамировал покойничка. Пришлось отсиживаться в убойном.

– На хрена тебе похоронка?

– Птичка из морга напела, что директор бюро делал снимки на мобильный телефон.

– Хм... птичка?

– Так точно. Симпатичная такая... лет двадцати...

– А патологоанатом что говорит?

– Мариновал меня два часа в коридоре, типа был на вскрытии, потом сказал, что не помнит никакой Власюк. Пошел поднимать документы, полчаса натужно вчитывался в свои записульки. Таращился на меня, как на носителя чумы. Мычал, скучал и кочевряжился. В итоге спросил: «А что вас конкретно интересует?» Короче, порожняк...

– Ты в Москву сегодня вернешься?

– Пока не знаю, все зависит от того, что я на снимках увижу.

– Ладно, звони, если чего всплывет.

– Эй! Не кисни! Не взяли, значит, тебе туда не надо, – попытался успокоить напарника Токарев, заметил нужный номер дома и включил поворотник.

– Да иди ты со своей буддийской фигней! – огрызнулся Громов и разъединил связь.

Токарев усмехнулся, напарник не умел проигрывать.

Припарковал машину перед зажатым между двумя пятиэтажками бетонным зданием с вывеской: «Похоронное бюро «Вечность». В фойе его встретил невысокий брюнет в синем костюме, лет сорока пяти, с окладистой бородкой.

– Вы следовательно Токарев? – спросил он мягким баритоном и протянул руку: – Роберт Ляхтер.

Александр отметил цепкую хватку собеседника. Они прошли в маленький кабинет, заставленный мебелью. Директор показал гостю на офисное кресло с низкой спинкой и разместился рядом.

– Извините, что вам пришлось ждать...

– Ничего, я понимаю: смерть всегда вне очереди.

Ляхтер с интересом взглянул на следователя и ухмыльнулся.

– Вы совершенно правы. Эта старушка приходит без приглашения и всегда не вовремя. Так по какому поводу? По телефону вы отказались объяснить...

– Собственно, я по поводу Антонины Власюк.

Ляхтер напрягся и прочистил горло:

– А что с ней не так? Насколько я понял, голову захоронили вместе с телом.

– Нам стало известно, что смерть Власюк произошла не из-за несчастного случая, как было указано в протоколе вскрытия.

– Хм, тогда вам нужно вызвать патологоанатома на допрос и спросить. Я-то тут при чем? – парировал Ляхтер и закусил нижнюю губу.

– Разве вы не должны сообщать о подозрительных смертях? Тем более если они отличаются от официального заключения.

– Моя контора готовит тело к погребению. Я не судебный патологоанатом. Если в морге сочли смерть Власюк от несчастного случая, а следственные органы это подтвердили, кто я такой, чтобы сомневаться?

– К вам поступает тело с отрубленной головой, а вы талдычите про погребение? – Следователь склонил голову на-

бок. – Кончайте, не вынуждайте меня цитировать вам Уголовный кодекс. Либо вы мне все рассказываете, и мы дальше решаем, что с этим делать, либо... – Токарев вынул из кармана пиджака наручники и положил их на колени, – вам придется проехать со мной.

– Никуда я с вами не поеду, – директор надменно вздернул подбородок. – Несчастные случаи на предприятиях хоть и редки, но все же бывают. А по поводу ареста... нужны веские основания.

На лице Ляхтера расплзлась довольная ухмылка, от чего следователь ощетинился и брякнул наручниками.

– Но надо признать, что нервы вы мне можете сильно попортить, например, еще одним внезапным визитом в рабочее время, а это неминуемо отразится на бизнесе.

Токарев изогнул бровь и развел руками.

– Правильно мыслите, вот только куда это вас выведет?

– Вы здесь потому, что дочь моего друга, которую я, к слову сказать, сам пристроил в морг на практику, рассказала вам про фотографии. Ох, как знал, что мне это аукнется. Хорошо, я изложу вам хронологию событий. Но... – Ляхтер понизил голос, – сугубо конфиденциально.

– Я вас внимательно слушаю... – Токарев убрал наручники в карман пиджака.

– Недавно в женскую тюрьму был назначен новый начальник – родственник губернатора. Он только вступил в должность и еще не успел освоиться, а тут такое... Меня недву-

смысленно попросили прикрыть, так сказать, это дело. Заверили, что был несчастный случай. Следственные органы подтвердили, а родственники торопили с погребением. Что оставалось делать?

– Ничего себе несчастный случай! – воскликнул следователь. – Это как надо извратиться, чтобы тебе башку нечаянно снесло?

– Поверьте, и такое бывает. За двадцать лет в этой профессии на что только не насмотрелся. Многосерийный ужастик можно снять.

– Значит, вы для страховки сделали фото? – напомнил следователь.

– Да, я сделал фотографии.

– Покажете?

– Мне бы не хотелось проблем... – замялся директор и покосился на телефон, который сжимал в руке.

– Раз вы такой грамотный, то наверняка читали статью двести девяносто четыре «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». Если не читали, то настоятельно советую. – Токарев в такт словам постукивал указательным пальцем по столешнице стола. – Все еще думаете, что у меня нет оснований для вашего ареста? Или надеетесь, что вас вытащат следователи, прикрывшие дело Власюк? Вот только повезу я вас для дачи показаний в Москву, в отдел по поимке особо опасных, потому как Власюк – первая жертва серийного убийцы.

Побледневший Ляхтер тяжело вздохнул и дрожащей рукой протянул телефон Токареву. Следователь пролистал снимки и съежился от увиденного. На фотографиях был запечатлен расчлененный женский труп.

– А это что? Тату? – Токарев показал на снимок, на котором было отчетливо видно плечо жертвы с изображением сердца, пронзенного стрелой, ниже еле виднелась надпись: «Анфиса».

Ляхтер кивнул.

– Мне сказали, что она была лесбиянкой.

Токарев переслал фотографии Свиридову и вернул телефон.

Через полчаса он вышел из здания и сел в служебную машину. Набрал офисный номер и услышал голос Ивана:

– Отдел профайлинга. Свиридов.

– Ваня, ты получил от меня фотографии?

– Да, чей это был телефон?

– Директора похоронного бюро. Приобщи к делу снимки трупа Власюк и покажи полковнику. Слушай, мне нужна помощь. Найди мне Анфису в «ИК-1», это тюрьма, в которой работала Власюк. Думаю, она должна быть среди заключенных.

– Хорошо. – В трубке послышался быстрый стук клавиш.

Зажав телефон между щекой и плечом, Токарев завел машину и вывернул со стоянки.

– В списках две Анфисы.

– Высылай на мобильный.

Просигналила поступившая СМС. На светофоре зажегся красный свет, Токарев затормозил и начал изучать данные на двух заключенных. Одна из них была замужем и имела ребенка. Ее он отмел без раздумий. Вторая не замужем, отсидела два года за кражу десяти коробок сливочного масла и месяц назад вышла по УДО. Для допроса свидетельницы было уже поздно, поэтому Токарев решил узнать адрес ближайшей приличной гостиницы у местных коллег и переночевать во Владимире.

Красный сигнал светофора моргнул и передал эстафету желтому. Токарев выжал сцепление, поставил ногу на педаль газа. В этот момент машину с двух сторон блокировали два черных внедорожника. Хлесткий приглушенный удар, и пассажирское окно рассыпалось на мелкие фрагменты. На переднее сиденье упал зеленый металлический цилиндр. За несколько секунд салон машины заполнился белым густым дымом. Токарев пытался прикрыть лицо пиджаком, но безуспешно. Дым разъедал глаза и блокировал дыхание.

– В следующий раз получишь пулю в лобешник! – забасил незнакомый голос. – Свали из города так же быстро, как нарисовался!

Шины внедорожников завизжали, поднимая облако пыли, джипы сорвались с места и быстро проскочили перекресток. Токарев с покрасневшим лицом вывалился из салона автомобиля на асфальт и хватал ртом воздух. Когда дым рассеял-

ся, он увидел надпись на цилиндре: «Шашка дымовая «Заслон». С минуту таращился на знакомый предмет, затем потянулся к мобильнику и набрал номер шефа.

†††

Хотя в министерских кабинетах было прохладно, Кира спустилась в колонный вестибюль взмокнув, с пунцовым лицом. Тесты, опросы и бег из кабинета в кабинет вымотали до предела. Чиновники, особо не церемонясь, несколько часов штудировали детали ее биографии и профессиональные навыки, словно рассматривали бациллу под микроскопом. Такому прессингу она не подвергалась, даже когда ее кандидатуру рассматривали в отдел профайлинга.

На стоянке она открыла сумочку и вынула ключи от арендованной машины. Впереди мелькнула знакомая фигура. Кира замерла, не веря своим глазам.

– Глеб? Это ты?

Из темноты на свет фонарей вышел брюнет среднего роста – ее бывший напарник – и с улыбкой двинулся ей навстречу.

– Вот это сюрприз! – воскликнул он. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Да уж, сюрприз. А ты что тут делаешь?

Он подошел близко, глаза жадно ощупывали ее лицо и фигуру.

– Меня перебросили в новую группу, был здесь по делам, – уклончиво ответил Глеб и с нежностью добавил: –

Привет.

– Привет. Можешь не шифроваться, я знаю, что ты работаешь в Интерполе.

Ее осведомленность он истолковал превратно:

– О, следишь за моей карьерой? Приятно, не скрою. – Он посмотрел на часы и спросил: – Я планировал поужинать. Не хочешь ко мне присоединиться?

– С удовольствием, – улыбнулась она.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону дороги и расположились в ближайшем кафе. Просторное светлое помещение, отделанное деревянными рейками и зеленой керамической плиткой, было наполовину заполнено посетителями. Бывшие коллеги сели за самый дальний столик и сделали заказ.

– Ты не представляешь, как я рад нашей встрече. После перевода звонил тебе на мобилу, но ты была недоступна. Думал, что ты куда-то уехала, а вчера мне сказали, что ты снова выходишь на работу в отдел профайлинга.

– Я поменяла номер, бывший доставал звонками.

– О! Неприятно навязчивое внимание? На мой взгляд, дважды в реку не войдешь. Тем более после измены.

Про ее развод знали единицы, а причину не знал даже Лимонов. Кира нашла только одно объяснение: Глеб общался с ее бывшими коллегами.

– Поэтому и развелась.

– Этот шаг я одобряю, – быстро отозвался Глеб и тут же

помрачнел: – А вот связь с психом решительно не понимаю. Скажи, что это просто сплетни.

– Не могу ни опровергнуть, ни подтвердить информацию, – с улыбкой ответила она, – но, честно говоря, надеялась избежать этой темы.

– А не выйдет... – заметив официантку с подносом, он замолчал.

Пока Кира поглощала греческий салат и бефстроганов с жареным картофелем, он пошел в атаку.

– Я не верил, что ты живешь у этого психопата, но в газетах стали появляться ваши снимки... ты и Бирк... – он тяжело вздохнул, лицо исказилось в мучительной гримасе. – Как серпом по... ну, ты понимаешь...

Она замотала головой.

– Бирк – ходячая катастрофа. Он, как магнит, притягивает к себе маньяков и всякий сброд. На закон ему наплевать, он действует напролом, идет к цели любыми путями, – со страстью произнес Яковлев, тыча пальцем в плечо Киры, словно она и есть Бирк. – С огромным удовольствием надену на него наручники!

Наконец он заметил перед собой тарелку со свиной отбивной с розмарином. Кира судорожно выбирала подходящую тактику.

– А его окружение? Этот его помощничек... – Глеб отправил очередную порцию мяса в рот и тщательно прожевал. – Ты знаешь, что его родаки были найдены мертвыми, а он –

единственный свидетель происшествия? На руках и пижаме были обнаружены брызги артериальной крови обоих родителей. Психологи долго не могли вынести свой вердикт, а когда японская полиция все же захотела изъять мальчика у родственников, чтобы определить его в учреждение для особо опасных детей, тот таинственным образом исчез.

– Ты про Сото? – уточнила Кира и отодвинула от себя пустые тарелки.

– Да не так его зовут. Я пробил его отпечатки по базе Интерпола: Акира Ито – единственный наследник табачной империи Ито.

– Откуда у тебя его отпечатки? – Кира не скрывала своего удивления.

– Снял с бутылки воды, которую тот выбросил в офисе.

– Находчиво, – усмехнулась майор, подмечая в очередной раз прыткость бывшего напарника.

– В отличие от тебя, я не околдован шармом Бирка. Насквозь вижу его гнилую душонку.

Кира метнула в бывшего напарника осуждающий взгляд.

– Глеб, ты, как заблудший клещ, вцепился в старую раненую собаку и сосешь отравленную горьким опытом кровь. На кой черт тебе сдался Бирк? – Она усмехнулась. – Преступников не хватает? Я могу подкинуть тебе с десятков. Какие у вас против него улики?

Яковлев отвел взгляд.

– Никаких. Иначе вы бы уже следовали за ним по пятам,

как гончие.

Бывший напарник покончил с отбивной и, вооружившись зубочисткой, с усердием стал ковыряться в зубах.

– Ты, конечно, делай, что задумал, мне до лампочки. Просто жалко твое потраченное время. Кто Бирк на самом деле, меня совершенно не волнует, главное, он ловит маньяков и делает это лучше всех. То, что у него проблемы с психикой, ни для кого не секрет, даже там об этом знают, – Кира показала на здание министерства. – Пойдешь против Бирка, набьешь шишек, и братец тебе на этот раз не поможет. Лучше займись реальными делами. Очищай страну от скверны.

Официантка принесла чай и десерт. Несколько минут за столом стояла напряженная тишина. Глеб ехидно улыбался и не сводил взгляда с бывшей напарницы, пока та доедала ягодный мусс.

– Время покажет... – философски изрек он.

– А по поводу сплетен мне даже как-то обидно стало. Ладно другие, но ты ведь был моим напарником. Я растолковала тебе, как к нему отношусь.

– А на следующий день осталась у него ночевать, – с издевкой произнес Глеб и прожег ее колючим взглядом.

– Из чего ты сразу сделал вывод, что у нас роман? – усмехнулась Кира и жестом попросила официантку принести счет.

Через минуту девушка положила счет перед Глебом, тот рассчитался и посмотрел на часы:

– Мне пора. Звони.

– Если бы Бирк был последним мужчиной на земле, я никогда...

– Приходи на гонки, – прервал ее Глеб, сунул мобильник в карман и поднялся. – Тебе понравится.

Он чмокнул ее в щеку, попрощался и с довольным видом вышел из кафе. Кира смотрела ему вслед и от мысли, что нарушила пункт договора о конфиденциальности, чувствовала себя, как на раскаленной сковородке.

†††

Токарев сидел на переднем пассажирском сиденье полицейской машины и подписывал протокол. Глаза еще слезились от дыма, в горле першило, немного кружилась голова. На месте водителя развалился немногословный майор Мельников, которого больше интересовали не показания столичного следователя, а время его отъезда из города. Ставя подпись под протоколом, Токарев понимал, что инцидент на перекрестке никто расследовать не будет. Коллеги знали организатора запугивания московского следователя. Токарев это понял, как только увидел реакцию майора на описание автомобилей. Мельников, явно кем-то проинструктированный, намекнул, что за делом Власюк стоят люди, имеющие в городе власть. Они не дадут столичному следователю развернуться, а сделают все, чтобы по-быстрому сплавить его из города.

Выслушав коллегу, Токарев сказал, что в столице выдер-

живал и не такое давление. Мельников смерил его пронзительным взглядом, а потом с минуту с кем-то переписывался.

– Будь другом, подкинь меня до свидетельницы, – он продиктовал майору адрес.

– Мое начальство позвонило вашему, мне приказано доставить вас на вокзал. За руль вам нельзя. За служебную тачку не переживайте, я сам все со страховщиками улажу.

– Выходит, гребни ушами в камыши? – Александр пригладил торчащие ежиком волосы и усмехнулся.

Просиявший в ответ Мельников спрятал протокол в барсетку.

– Выходит, так.

Токарев бросил прощальный взгляд на истерзанную следами покрышек обочину и пристегнул ремень безопасности. Лимонов в последнем разговоре дал понять, чтобы он действовал по обстановке и не перегибал с инициативой. При таком раскладе рассчитывать на дальнейшую помощь в расследовании было бессмысленно.

Через полчаса полицейская машина с включенными проблесковыми маячками доставила его до площади перед железнодорожным вокзалом.

– Провез с ветерком, в целости и сохранности, – Мельников скривился в ухмылке, оголяя зубы заядлого курильщика.

Токарев пожал ему руку и попрощался. Выходя из машины, заметил, что коллега пристально наблюдает и не собира-

ется уезжать. В здании вокзала майор замаячил за спиной столичного следователя. Токарев обернулся и спросил:

– Ты что, со мной до вагона пойдешь?

– Ага, начальство сказала посадить в поезд и убедиться, что уехал.

– А ты всегда делаешь, как начальство велит?

– За начальством, как за стеной, – в голосе Мельникова слышались раболепные нотки.

«Мышь дистанционная», – мысленно ругнулся Токарев, поскреб в задумчивости подбородок, но спорить не стал.

Следователь видел, что майор настроен решительно: напряжен, челюсть ходуном ходит, взгляд с хитрецей, словно знает все уловки, на которые способен коллега. Александр испытывать судьбу не стал, хотя руки чесались, а в голове плясали чертики от возникающих шальных идей. Он покорно вошел в вагон и разместился у окна.

Мельников дождался, пока поезд скроется из виду, и только тогда медленно побрел к машине.

Поезд, набирая ход, выехал за черту города. Токарев подошел к схеме маршрута и отметил, что Лакинск, в котором проживала подруга Власюк, был по пути следования. План созрел в считанные секунды: он сойдет в Лакинске и, несмотря на позднее время, найдет и допросит Анфису. Но его ждало разочарование: на станции состав немного сбавил ход, но останавливаться не собирался.

– Ах ты, конь педаальный! – взревел он и дернул стоп-кран.

Когда поезд с металлическим визгом и скрежетом остановился в километре от станции, он спрыгнул с подножки и рысцой пробежал через железнодорожные пути. Выскочил на улицу Вокзальную, а оттуда поспешил на трассу М-7.

Поймав такси, он поехал по адресу свидетельницы. Анфиса жила в четырехквартирном двухэтажном бараке. Часы показывали полночь, ломиться в квартиру в такое позднее время было рискованно. Хотелось оставить свой приезд в тайне от владимирских коллег. Токарев представил, как ему придется через дверь кричать на весь подъезд: «Откройте, я из полиции, у меня есть к вам вопросы!», поморщился и решил осмотреться.

Судя по нумерации, квартира Анфисы располагалась на первом этаже. В кухне горел свет. Он залез на скамейку у подъезда и заглянул в окно. За кухонным столом, спиной к нему, в ночной сорочке сидела молодая женщина. Не отрываясь от телевизора, она поглощала чипсы. Он вскочил на цокольный выступ, осторожно постучал в окно и приставил к стеклу удостоверение. Женщина обернулась и в недоумении уставилась на незваного гостя.

Жестом следователь показал, чтобы она открыла ему дверь, спрыгнул с выступа и вошел в подъезд. Запах разлитого пива и мочи ударил в нос. Тусклая лампочка еле освещала площадку на втором этаже. Дверь приоткрылась.

– Анфиса?

– Вы кто?

– Александр Токарев, следователь из Москвы. Извините за поздний визит, мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Из Москвы? Какие еще вопросы? Я свое отсидела.

– Я расследую смерть Антонины Власюк.

Услышав имя, Анфиса решительно раскрыла дверь и впустила следователя в квартиру.

– В Москве расследуют смерть Тоси?

Токарев кивнул.

– Проходите на кухню, – женщина запахнула на груди цветастый платок.

При ярком свете он придирчиво разглядел свидетельницу. Почти с него ростом, узкие плечи, плоская грудь, непослушные волосы до плеч свисали скомканными прядями. Посиневшие от страха губы сомкнулись в одну сплошную линию. Она сильно морщила лоб и выкатывала глаза, словно рыба-телескоп.

– Чаю будете?

– Да, если не трудно.

Токарев подметил, как сильно трясутся у нее руки. Когда она поставила чайник на плиту и села за стол, он спросил:

– Вы не были на похоронах Антонины?

Она помотала головой.

– Почему? Вы ведь были с ней близки.

Токарев постарался произнести это как можно мягче, чтобы не настраивать против себя свидетельницу.

– Ее родственники меня на дух не переносят.

– Давно вы стали с ней... – Токарев запнулся, подбирая нужное слово, – подругами?

Анфиса встрепенулась и грубо его поправила:

– Да говорите, как есть... привыкшие... чего уж там...

– Так давно?

– Мы познакомились за год до зоны.

Чайник вскипел. Анфиса бросила по чайному пакетику в две большие кружки и залила кипятком. На столе появились сахарница и две чайные ложки. Пока она суетилась, Токарев обвел взглядом комнатку. Ремонт не делался уже лет десять, но кухня чистая, видно, что хозяйка незамысловатыми приемами пыталась придать ей уют.

От Анфисы следователь узнал, что отец Власюк с самого начала принял их связь в штыки. Анфиса работала на молокозаводе, тот подкупил охрану, и на нее состряпали дело о краже. Но пару это не разлучило. Антонина наперекор отцу навещала подругу. Тогда он попытался добраться до Анфисы в тюрьме. Поэтому Власюк устроилась надзирательницей, чтобы за ней приглядывать. Прежнее начальство шло им навстречу и в дежурства Антонины им удавалось побыть наедине. Анфиса догадывалась, что за это ее подруге приходилось на многое закрывать глаза.

– Почему Москва расследует дело Тоси?

Токарев поведал историю с коробкой, которую подкинули на выставку. Анфиса побледнела и прикрыла рот рукой.

– Какой ужас! Я слышала об этом, но не знала, что это

была голова Тоси.

– Мне нужна ваша помощь. Кто может знать, как погибла Антонина? На зоне были люди, заинтересованные в ее смерти? – спросил Токарев, пока свидетельница окончательно не расклеилась.

– Не знаю...

– Подумайте, не спешите.

– Я только знаю, что после моего досрочного освобождения Тося хотела уволиться, но с этим были какие-то проблемы.

– Почему?

– Не знаю. Она была очень подавлена. Я умоляла ее со мной поделиться, но она сказала, что сама разберется. Уж такая она была, жутко не любила плакаться. Это я вечно висела на ее плече.

Закрыв лицо руками, Анфиса зашлась неистовым плачем. Не в силах на это смотреть, Токарев сочувственно похлопал ее по плечу и бросил на стол визитку.

– Крепитесь. Если что-нибудь вспомните, позвоните. Нам любая информация пригодится.

Глава третья

3 июля 2012 г., Тула, художественный музей

Тула встретила порывистым ветром и проливным дождем. Пока Митяева, прикрыв сумкой голову, бежала от машины полковника до здания музея, промокла до нитки. К ее удивлению, Бирк уже был внутри. Облаченный в белый комбинезон и опираясь на трость, он прохаживался перед полицейской оградительной лентой.

Работа экспертов и местной полиции была в самом разгаре. Как и в предыдущем случае, послание, которое оставил им убийца, размещалось в центре зала. На кушетке перед низким столиком, уставленным разными яствами, полулежало тело юноши лет двадцати плотного телосложения. Его округлое лицо было увенчано венком из виноградных листьев. В левой ладони жертвы был зажат черный траурный бант. Правая ладонь лежала перед бокалом красного вина, как бы приглашая посетителя музея попробовать бодрящий напиток. Тело было оголенным до пояса, гениталии прикрыты простыней. Сомнений не было, это очередная работа Отверженного.

В зал вошел полковник, с ходу оценил обстановку и попросил всех отойти в сторону, чтобы дать место для работы консультанта. На что некоторые эксперты громко возмутились. Полковник набычился, зыркнул гневным взглядом,

и ворчание тут же прекратилось. Это было третье убийство, связанное с выставочной деятельностью произведений искусств. Лимонов еще в офисе получил подтверждение от Васенкова, что дело официально передают отделу профайлинга.

Толпа расступилась, как Красное море перед Моисеем. Бирк включил диктофон и начал поспешно, будто его в любой момент могли прервать, надиктовывать свои наблюдения:

– Сегодня третье июля 2012 года. Я стою в одном из выставочных залов художественного музея города Тулы, где неизвестный выстроил собственную инсталляцию. Передо мной мертвый юноша в образе древнегреческого бога Бахуса полулежит на кушетке, облокотившись на правую руку. Перед ним стол, на котором лежат фрукты, по ним ползают насекомые, – он нагнулся над фарфоровой тарелкой и несколько раз отрывисто втянул носом. – Фрукты свежие, не успели прогнить, а значит, убийца принес червей с собой. Это часть его замысла. В одной руке юноша держит бокал из прозрачного стекла, наполовину заполненный красной жидкостью. На столе стоит стеклянная ваза, в которой такая же жидкость. – Бирк склонился над бокалом, принюхался и констатировал: – Вино.

Он медленно двинулся вокруг мрачной экспозиции. Цепкий взгляд перескакивал с предмета на предмет, на лице тут же отражались эмоции. Все происходило быстро, поэтому

мика доктора менялась, как в ускоренном воспроизведении фильма. Когда он обошел экспозицию, лицо его перекопилось в мучительной гримасе, глаза сузились и горели огнем.

Кира сразу подметила чуждые ему эмоции. Обычно Бирк начинал скалиться, иногда даже напевал. Так что же сейчас заставило его реагировать на убийство иначе?

Дрожащей рукой доктор включил диктофон и продолжил:
– Тыльная сторона похожа на обнаженную конструкцию. Это театр с изнанки – мастерская художника. Она не для посторонних глаз. Здесь становится понятно, как та или иная часть тела находится в определенном положении.

Услышав его слова, Кира двинулась вдоль стены, чтобы тщательно осмотреть то, что описывал Бирк. Увиденное повергло ее в ужас. Если с лицевой стороны убийца хоть как-то пытался придать своему творению эстетичный вид, то сзади это походило на экспонат анатомического музея.

– Убийца сделал вдоль позвоночника разрез и изъяс мышцы. Ребра и позвоночник обнажены. Тело он зафиксировал широкой доской, прибил ее к третьему шейному позвонку и кушетке. Руку с бокалом удерживает подпорка из костыля, который в свою очередь на крестовине привинчен к полу. – Бирк присел на корточки и поправил очки на переносице. – Правый локоть согнут и приклеен к телу. Придавая руке эту позу, убийца вывихнул плечевую кость из суставной сумки, чтобы плечо сильно выступало вперед.

Опираясь на трость, Бирк поднялся, обошел кушетку и склонился над жертвой.

– На лице юноши толстый слой грима, на щеках кругами нанесены румяна. Брови сбриты и заново очерчены дугой черным карандашом. Глазные яблоки удалены, вместо них вставлены стеклянные протезы. Веки намеренно чем-то уплотнены, скорее всего, ему нужен был особый взгляд. Убийца придавал этому большое значение. На обритую голову неаккуратно приклеен парик из черных волнистых волос, видны подтеки клея. Убийца торопился или сильно нервничал, от чего у него тряслись руки. Боялся, что и на этот раз ему не дадут закончить. Левое плечо, кушетка и стол накрыты старыми простынями.

Сделав еще круг, доктор встал перед экспозицией, кинул красноречивый взгляд на полковника и приступил к тому, чего все от него ждали: к выводам. Его голос зазвучал жестче и громче, все последующие слова он говорил для присутствующих в зале.

– Учитывая предыдущие случаи, могу с уверенностью сказать, что убийца пытается воссоздать сюжеты картин знаменитого итальянского художника эпохи Возрождения Микеланджело Меризи да Караваджо.

Свиридов включил на телефоне диктофон, собираясь позже приурочить выводы Бирка к уликам. На этаже воцарилась тишина.

– Первый случай произошел во Владимире, там убийца

показал сюжет картины под названием «Медуза» – отрубленная голова чудовища с женским лицом и змеями вместо волос. По преданию, ее взгляд обращал человека в камень. В Рязани убийца попытался воссоздать сюжет картины «Нарцисс». Легенда гласит, что юноша был необычайно красив, но холоден и горд. Во время охоты он испытал жажду, наклонился над озером, где увидел свое отражение. Пораженный собственной красотой, он влюбился в отражение, не смог с ним расстаться и умер от голода и страданий. Некоторые источники утверждали, что он бросился в свое отражение и утонул, этим объясняли отсутствие тела. На месте его гибели вырос цветок, который называли в честь юноши – нарцисс.

Бирк снял очки, вынул платок из кармана комбинезона и вытер со лба пот. Воспользовавшись паузой, Громов и Токарев обошли экспозицию и сделали несколько фотографий.

– В Рязани убийце помешали, сюжет не закончен, – продолжил Бирк и надел очки. – Это его дестабилизировало, теперь ему трудно себя контролировать. Как следствие, третий случай самый жестокий. В картине «Вакх» Караваджо снова обращается к древнегреческой мифологии. Вакх, Бахус, Дионис – все это имена бога виноделия, вдохновения и религиозного экстаза. С ним прочно связано такое понятие, как вакханалия, – разгульные дикие сборища, которые сопровождались обильным употреблением вина. Нередко они завершались убийствами и насилием.

Сото подошел к Лимонову и протянул айпад, на котором

была открыта страница с картинами великого художника. Озвученные доктором полотна в точности совпадали с местами преступлений. Полковник изучил картины и передал айпад коллегам.

Не сводя взгляда с чаши с вином, Бирк покрутил тростью и озвучил очередную догадку:

– Он не воссоздает сюжет доподлинно. Применяет подручный дешевый материал, не придавая значения текстуре и свету. Из всех деталей он повторил лишь взгляд, вино, плечо и червей на фруктах. Он не восторгается этими произведениями, а лишь подчеркивает бренность бытия. Тыльная сторона экспозиции красноречивее всего говорит о смысле его послания: «Караваджо показал вам ложь, а я покажу обнаженную правду». Историки утверждают, что, даже при написании религиозных сюжетов, Караваджо использовал натурщиков из простого сословия, а зачастую собутыльников и проституток из ближайшей таверны. Разразился громкий скандал, когда прихожане узнали на картине в церкви в матери Христа лицо местной проститутки. Именно это и обличает убийца. Он будет использовать только профильных персонажей, если перед нами бог виноделия, то этот юноша будет иметь к алкоголю непосредственное отношение.

Нога невыносимо ныла. Бирк присел на кушетку, выставил перед собой трость, положил ладони на серебристый набалдашник и продолжил:

– Я вижу небрежность, а это неуважение к мастеру. Он

берет сюжет Караваджо, но вносит свой собственный смысл. Ему важно воссоздать сюжет не качеством, а количеством. Такое впечатление, что он больше тратит времени на выбор жертвы, чем на создание сцены. Он игнорирует приемы Караваджо, а значит, не учится у него. Убийца – не творческой профессии. Он определенно не имеет художественного образования.

– Убийца снова ставит свою подпись. – Кира показала на ракушку, лежащую среди фруктов.

Бирк кивнул и хотел что-то сказать, но полковник его опередил:

– Где нам искать Отверженного?

– Отверженного? – на лице доктора отразилось удивление.

– Так назвала его Митяева, – пояснил полковник.

Бирк с силой сжал набалдашник трости.

– Отличная характеристика, – сказал он, глядя на Киру, затем перевел взгляд на полковника и резко выпалил: – Ты его не найдешь, Андрон!

– Как это?! – невольно подскочил Лимонов.

– Он гастролер. Переезжает с места на место. Постоянной работы нет. Думаю, у него есть дом на колесах. Как только установишь имя жертвы и место похищения, ищи на дорожных камерах наблюдения фургоны. Это единственная ниточка, которую я тебе могу сейчас дать.

– Ну хоть что-то, – проворчал полковник.

– Еще я сказала, что он новичок, и каждое преступление будет отличаться от предыдущего, – вставила Кира, ей хотелось зацепить доктора, чтобы тот продолжил рассказ об убийце, но со стороны показалось, что она кичится.

– Ага, и что убьет он из группы риска, – назидательно напомнил Токарев, – а Расмус говорит, что группа риска тут ни при чем.

Бирк поднялся.

– Я только приехал, еще не просмотрел отчеты экспертов. Но обязательно изучу все материалы, перед тем как составить профиль, – он положил трость на кушетку и начал быстро стягивать с себя комбинезон. – Здесь я закончил.

Полковник еле подавил ехидную ухмылку, похоже, что ученица начала наступать на пятки учителю. Это не могло не радовать.

Бирк подошел к Сото и что-то шепнул на ухо, тот прекратил съемку места преступления и поспешил к выходу. Провожая помощника доктора пытливым взглядом, Кира поняла: Бирк что-то задумал. Еще она была уверена, что доктор как всегда предоставил информацию выборочно.

Кушетка, на которой только что сидел доктор, была в точности такой же, как на экспозиции убийцы, из чего Кира сделала вывод: Отверженный был знаком с интерьером зала, а значит, бывал здесь, возможно, совсем недавно, ведь он был уверен, что кушетки никуда не делись. Она поделилась своими мыслями с шефом, тот дал задание Громову изъять все

записи с камер наблюдения за последнюю неделю и опросить сотрудников музея.

†††

Ливень перешел в робкий дождь. Лучи солнца прорезали рыхлые тучи. Толпа, что скопилась напротив музея, все еще была прикрыта разноцветными зонтами. Лимонов и Митяева шли к машине и на ходу обсуждали быстроменяющийся почерк убийцы.

– Что это он делает? – полковник показал на Сото, который бродил в толпе.

– Ведет скрытую съемку, – догадалась Кира. – Бирк послал его. Значит, думает, что убийца может быть среди зевак.

– Черт! – воскликнул полковник. – Как я сам не догадался!

Лимонов позвонил Токареву и дал распоряжение проверить периметр, незаметно сфотографировать всех, кто стоит за лентой ограждения, взять показания и контактные данные.

– Если кто-то вызовет подозрение, сразу за шиворот и на допрос. Лучше переусердствовать, чем знать, что он тут был, а мы шары катали.

– Этого Бирк и боялся.

– Чего? – недовольно воззрился на нее полковник.

– Сото делает это незаметно, а наши спугнут убийцу. У них на лицах написано, что они следаки.

Из здания музея вышел Токарев, закурил и медленно пошел вдоль недавно оштукатуренной фронтальной стены. Одновременно несколько мужчин отделились от толпы и разошлись в разные стороны. Митяева хмыкнула, давая понять, что произошло именно то, о чем она говорила.

Лимонов метнул на нее гневный взгляд и двинулся к машине. Кира поспешила за ним.

– Вам не показалось, что Бирк чего-то недоговаривает? В прошлый раз он был таким красноречивым, а сегодня еле концы связал. – Кира села в машину шефа.

– Нет, не показалось! – огрызнулся полковник. – Что-то не припомню, чтобы кто-то из бойких на язык узнал сюжеты картин Караваджо.

– Про Горгону я сразу сказала. И как бы мы связали Нарцисса с первым случаем, если Отверженный не закончил? Про Караваджо не догадалась, это да, признаю. С искусством я на «вы».

Они выехали на трассу М-2 и влились в плотный транспортный поток. Андрон Маркович закурил и приоткрыл окно. Дым тонкой серой струйкой потянулся в образовавшуюся щель.

Кира смотрела на мелькающие за окном деревья с сочно-зеленой кроной и думала о предстоящих выходных.

– Как у тебя с Расмусом? Не похоже, что вы друзья, а ведь ты живешь в его доме.

Вопрос был болезненным. Никаких препятствий в обще-

нии Митяева доктору не чинила. Бирк сам то отдалялся, то внезапно теплел и закидывал ее приглашениями. Иногда ей казалось, что он увлечен ею, но, как только Кира приходила к такому выводу, Бирк либо пропадал на длительный период, либо холодел к ней, как антарктический лед.

– От ваших отношений многое зависит. Я не хочу, чтобы ты с ним слишком сближалась, боже спаси от него твою душу. Мне нужно, чтобы вы дополняли друг друга в расследовании. Что упустил он, заметила ты.

– Он тоже этого хочет, – как можно спокойнее ответила Кира.

– Но не только этого, – глаза полковника хитро прищурились. – Он попросил у меня официального разрешения на сеансы психоанализа.

– Со мной? – в глазах Киры промелькнул страх.

– Да, – полковник заметил ее замешательство. – Зачем ему это?

– Хочет влезть в мою голову, а я сопротивляюсь.

– Это часть обучения?

– Не думаю...

– Тогда зачем?

Кира пожала плечами.

– Я дал согласие. Будь начеку.

Она бросила на шефа вопросительный взгляд, но тот вцепился в руль и больше эту тему не поднимал.

Недомолвки, намеки, загадки, игры в кошки-мышки –

все это навязчиво преследовало с момента ее назначения связным между консультантом и отделом. Киру не покидало ощущение, что она находится на сцене театра, а над ней нависает гигантская фигура кукловода – Бирка. Он дергает за ниточки, вызывая в ней определенные чувства. Направляет по только ему известному маршруту и наблюдает, как она справляется с отведенной ролью.

В памяти навязчиво мелькали гримасы доктора. Она вспомнила клинику, насыщенный график и собственное заключение, которое сделала, поговорив с Ниной: «Ему мало вылавливать маньяков после совершения преступлений, он ухитряется их отслеживать в зачаточном состоянии». Догадка пробила мозг, как молния. Несколько секунд она раздумывала, озвучивать шефу свои мысли или нет, но в конце концов решилась.

– Бирк поедет сейчас в клинику, чтобы найти записи с сеансами.

– Какими еще сеансами?

– Расмус знает убийцу. Он был его пациентом.

– Опять двадцать пять! Повторенье – мать ученья. Вы с Яковлевым, как стайка какаду, талдычите одно и то же. Тот все грезит теориями заговоров, и ты туда же.

– Не хотите – не верьте, мое дело предупредить.

– Тебя послушать, так Бирк лично знаком со всеми маньяками в России и за ее пределами. Если б знал, то сказал! Для этого мы и пользуемся его услугами.

– Скажет, когда проверит. Вы видели, как он нервничал? Помните, как он стоял в подвале перед детскими телами в деле Стачука? Ни следа сочувствия. Кривился от ухмылочки. Обратная реакция – часть его патологии. Сегодня я наблюдала за ним. Никакой обратной реакции. Только истинные эмоции. Он злился и еле себя контролировал! Он думает, что знает убийцу. А мука, отразившаяся на его лице, – это реакция на то, что он мог эти убийства предотвратить.

– Фантазии Фарятьева⁴, – буркнул полковник.

Кира подумала, что он имеет в виду кого-то из коллег по убойному отделу, и оставила реплику босса без комментариев. Минуту Лимонов размышлял, пальцы нервно отбивали ритм по кожаной поверхности руля, затем многозначительно произнес:

– Официально, Митяева, ты только что попросила у меня выходной до конца дня. Так что в свободное от работы время ты можешь заниматься чем угодно. Я доведу тебя до клиники, а там ты сама по себе.

†††

Москва, Центр психологической помощи «Новая жизнь»

Просторный вестибюль клиники анонимной психологической помощи нуждался в срочном ремонте. Штукатурка

⁴ «Фантазии Фарятьева» – художественный двухсерийный телефильм по мотивам пьесы Аллы Соколовой. Главный герой – актер Андрей Миронов – утверждал, что страдающие люди являются потомками пришельцев из другого мира и мучительно ищут способ вернуться назад.

на стенах отвалилась кусками, словно от автоматной очереди, оголяя старинную кирпичную кладку. Из оконных щелей сквозил ветер и, как паруса, поднимал тюлевые занавески. Ступая по обшарпанному линолеуму, Кира безуспешно пыталась рассмотреть ожидавших своей очереди пациентов. В прошлый ее визит в клинику за стойкой рецепции сидел стоворчивый и услужливый паренек. Кире хватило одного взгляда, чтобы понять: эта любезничать не будет.

Девушка за стойкой регистрации подняла глаза и окинула незнакомку оценивающим взглядом.

– Могу я вам чем-то помочь? – натянутым как струна голосом спросила она, зажимая между ухом и плечом трубку стационарного телефона.

– Мне нужен доктор Бирк. – Митяева показала удостоверение.

– К сожалению, он сегодня не принимает, – быстро отчеканила регистратор.

– Меня примет, – парировала Кира с нажимом, – и не утруждайте себя враньем, я знаю, что он здесь, его машина стоит перед подъездом.

Девушка одарила Киру надменным взглядом, но все же набрала внутренний номер. После шестого гудка не без удовольствия сказала:

– Его нет в кабинете.

– Не беспокойтесь, я найду его сама. – Майор набрала номер мобильного телефона доктора и двинулась по узкому ко-

ридору.

– Вам туда нельзя! – девушка вскочила как ужаленная.

Ожидавшие в вестибюле посетители с любопытством наблюдали за этой сценой. Кира шла по коридору и слушала гудки в трубке.

– Вернитесь немедленно!

Ускорив шаг, Кира дошла до конца коридора и услышала знакомый рингтон. Звук доносился из кабинета, на котором висела пожелтевшая табличка «Архив». Она повернула дверную ручку и шагнула в заставленную стеллажами комнату.

Бирк восседал в кресле у окна. В правой руке он теребил набалдашник трости и смотрел на дисплей телефона, решая, ответить ему на звонок или нет. Сото сидел за единственным столом и перебирал потрепанные временем папки. Увидев Митяеву, оба ничуть не удивились.

– *E cantu dignoscitur avis*⁵, – манерно выдал Бирк и крутанул трость, – а вас легко узнать по характерным шагам: пружинистые, стремительные, ритмичные.

– Мы снова на «вы», а меня даже не предупредили... – съехидничала Кира и с горечью подметила, что после долгого отсутствия Бирк словно забывает сложившиеся отношения и начинает с чистого листа.

– Чем обязаны? – резким тоном осведомился помощник доктора.

⁵ *E cantu dignoscitur avis* (лат.) – птица узнается по пению.

– Ну-ну, Сото, не нужно грубить, – поспешно осек его Бирк и перевел взгляд на Киру.

– Я приехала помочь, – Кира показала на стопку карт пациентов. – Здесь работы до утра.

– А чем мы, по-вашему, заняты? – ехидно уточнил Сото.

– Поиском убийцы, – спокойно ответила Кира, не сводя взгляда с Бирка. – Вы лишь взглянули на послание в музей и сразу поняли, чьих это рук дело.

Бирк насторожился и прищурился.

– Кто вам это сказал?

– Ваше лицо. – Кира села рядом с Сото.

Помощник взглянул на босса поверх очков, доктор еле заметно кивнул. Перед Кирой тут же оказалась внушительная стопка папок разной толщины.

– Кого конкретно мы ищем?

– Сказали «А», говорите и «Б». – Взгляд Бирка прожег Киру, словно разряд электрошокера.

– Думаю, что в последний раз вы с ним виделись очень давно, вероятнее всего, тогда он был еще подростком, значит, нужно искать истории болезни начала двухтысячных. – Кира уловила заинтригованный взгляд доктора. – Он из неполной семьи, возможно, воспитывался деспотичным отцом или матерью. Трус, поэтому его страхи непременно обсуждались в беседах с психиатром.

– Недурно, – отозвался доктор и отвернулся. Но Бирк есть Бирк, последнее слово всегда за ним: – Вот вам вопрос

на засыпку, майор Митяева: почему при такой небрежности с жертвой и местом преступления убийца не оставил свою ДНК?

Доктор надел наушники и нажал на клавишу айфона, давая понять, что не ждет сиюминутного ответа. Кира задумалась: а действительно, почему? Если человек аккуратен, то аккуратен во всем, а тут такая избирательность. Ошибки не было, Бирк прав, в предыдущих двух случаях эксперты не нашли посторонней ДНК.

Судя по доносившимся из наушников звукам, Бирк слушал оперную арию, это всегда помогало ему сосредоточиться, из чего Кира сделала вывод, что своим появлением она прервала мыслительный процесс, вызвав гнев и раздражение.

Сото придвинул пластиковую папку и откинул титульную страницу. Кира узнала шаблон профайла и округлила глаза.

– Он уже составил профайл? – Кира вцепилась в папку и начала вникать в записи Бирка. Больше всего ее сейчас волновало, совпадут ли их выводы.

Профайл на Отверженного

Пол: Мужской

Возраст: 20 — 25 лет

Раса: Славянин

Внешность: Рост 175 см. Худощавый. Со слабо развитой мускулатурой. Дефекты на коже: угри, сыпь или жировики.

Густые, короткие волосы. Пирсинг на лице или на теле.

Особенности личности: Неустойчивый психопат. Смешанный психотип: лабил и сенситив. Эгоист. Жизнь подчинена внешним влияниям. Легко внушаем. Попадает под воздействие доминирующих личностей. Невыдержан. Недисциплинирован. Вступает в преступные группировки, но не может справиться ни с одним поручением; не добившись авторитета, уходит сам или его выгоняют. Труслив. Не терпит критику. Легковозбудимый. Может выместить свою обиду на слабых людях и животных. Охотно пойдет на контакт, если разговор будет о нем. Равнодушен к окружающим. Недоволен своей внешностью, но не пытается ее улучшить.

Modus operandi: Окончательно не сформирован. По мере становления будет импровизировать, наглеть и осложнять себе задачу. Его жертв можно разделить на две группы. Первая группа – для экспозиции, тщательно продуманные похищения с помощью электрошокера. Вторая группа – для выживания в быту. Нападает на слабых и социально не защищенных людей: пенсионеров, бомжей, инвалидов, больных. Напасть может из-за голода или нехватки денег.

Семейное положение: Рано потерял отца и мать. Долгое время находился под навязчивой женской опекой, скорее всего, родственниц. Из-за чего негативизирует женщин.

Служебное положение: Постоянной работы нет. Рутину не для него. Скорее сворует деньги у работодателя, чем работает.

Сексуальные предпочтения: Гомосексуалист, но сексуальные связи редки. Во время наивысшего наслаждения предпочитает мастурбацию. Тщательно скрывает свои наклонности от окружения.

Привычки: Делает фото своих «живых скульптур» и подолгу их разглядывает. На место преступления возвращаться не будет из-за трусости, хотя желание велико. Но не исключено, что в момент обнаружения жертвы будет в зримой доступности. Для него важно, чтобы его экспозицию обнаружили как можно быстрее и в том виде, как он ее задумал.

Одержимость: Копирует сюжет картин Караваджо.

Поведение в быту: Может заговорить с любым, кто будет слушать. Показывает при этом придуманную личность, излишне драматизируя свое детство. Ведет праздный образ жизни. Тратит больше, чем зарабатывает. Нетерпелив, раздражителен. Нелюдим. Если найдет «родственную душу», становится навязчивым и требовательным. Живет в фургоне или в заброшенном здании.

Связь с жертвой: Жертвы неслучайны, он их знает, но не обязательно лично. Сталкивается в быту. Связывает с определенным персонажем по внешнему сходству и встраивает в сюжет экспозиции.

Последующие шаги: Чем чаще убийца будет убивать ради своей «миссии», тем реже ради выживания. Не исключено, что бытовые убийства прекратятся. Объединить преступления двух групп трудно, другой почерк и локация. Сфера

комфорта: города, в которых он выставляет свои экспозиции. Сфера обитания: рядом с местами бытовых убийств. В музеях бывал неоднократно, знает режим их работы, скорее всего, заводил с работниками разговор о «своей трагедии».

Прочитав профайл, Кира невольно бросила восторженный взгляд на Бирка. Ну как ему удастся проникнуть так глубоко в воспаленный мозг убийцы? Доктор упомянул в профайле бытовые убийства, а это неплохая зацепка. Но как, черт возьми, он до этого додумался?

Рука Расмуса невольно подрагивала в такт музыке, тяжеловесный подбородок лег на грудь. Глаза все еще были закрыты.

– Уже скоро, – туманно произнес Сото.

Кира вопросительно посмотрела на помощника доктора.

– Он слушает арию *Nessun dorma* в исполнении Пласидо Доминго, а значит, близок к разгадке.

– Разгадке чего?

Сото немного помедлил, размышляя над тем, можно ли раскрывать ей всю информацию, но в итоге все же сказал:

– Десять лет назад к Расмусу привели мальчика, одержимого идеей, что он реинкарнация Караваджо. После тестирования он передал его другому врачу; по его мнению, маленький пациент не был способен на жестокость...

– Но он все же убил, – вставила Кира.

– Да, но Расмус говорит, а я ему верю, что не мог оши-

биться, теперь это не дает ему покоя.

Предположения Киры оказались верными: Бирк лишь взглянул на место преступления и понял, с кем имеет дело. Теперь профессиональная ошибка не дает ему покоя.

†††

Громов решил не уезжать из Тулы, а проехать по месту жительства Поликарпова Евгения – последней жертвы Отверженного. Ему хотелось поговорить с близкими родственниками до опознания, пока горе и чувство потери не оттеснили память о предшествующих похищению событиях. Следовательно сверил номер дома с адресом в навигаторе и вышел из машины. Перед ним был семнадцатипятиэтажный двухподъездный дом, построенный по индивидуальному проекту.

Вадим подошел к домофону, хотел нажать кнопку нужной квартиры, как дверь распахнулась и из подъезда выскочила девчушка лет десяти. Он воспользовался моментом и прошмыгнул внутрь. Две минуты спустя он стоял на пороге трехкомнатной квартиры, а через распахнутую дверь на него смотрела испуганная женщина лет пятидесяти, плотного телосложения, в синем юбочном костюме – мать Поликарпова.

– Лидия Петровна?

– Я думала это... такой же звонок... два коротких один длинный... – в ее глазах заблестели слезы.

Сердце Вадима сжалось.

– Вы по поводу розыска Женечки?

Громов не ответил, лишь тяжело вздохнул и с сочувствием посмотрел на женщину. О гибели сына ей сообщили час назад, но она отказывалась верить – распространенная реакция. Боль потери настолько сильна, что родственники погибших до последнего сомневаются и живут надеждой, что это не их член семьи лежит на столе в прожекторской, накрытый простыней.

– Прошу вас, проходите, – произнесла она с холодной вежливостью и, отойдя в сторону, пропустила его в квартиру.

Поликарпова то и дело нервно поправляла ворот шелковой блузки и жемчужное ожерелье. Вадим прошел в гостиную и огляделся. Дорогая мебель, художественный паркет, на окнах многослойные массивные шторы. В квартире было шумно, несколько человек одновременно говорили по мобильным телефонам, видимо, родственники.

– Полиция... – пронесся злобный шепоток.

– Заявился! Где ты был, когда нужна была помощь?! – накинулась на него сидевшая на диване пожилая женщина.

– Ни один из ваших не пошевелился... – подхватила ее настрой полная блондинка в коричневом платье, слезы застилали ей глаза. – А могли бы спасти... а вы... даже заявление не приняли...

В такой обстановке говорить со свидетелем невозможно, и Громов повернулся к матери жертвы.

– Могу я осмотреть комнату вашего сына? – вполголоса спросил он.

Она проводила его в конец коридора и указала на дверь, на которой висела табличка с молнией наперерез «Не входить! Зона высокого умственного напряжения». Громов зашел в комнату, нащупал выключатель и включил свет.

Лидия Петровна последовала за ним.

В комнате превалировали синий и оранжевый цвета. У противоположной стены стояла кровать с деревянным изголовьем, над ней – подвесной потолок со встроенными светильниками, от которых отражался свет в виде звезд. На дверцах шкафа для одежды – фотообои с изображением парусной регаты. Вся боковая стена завешана книжными полками. В углу рабочий стол с кожаным креслом. На столе ноутбук, канцелярские принадлежности и нераспечатанная пачка писчей бумаги. На полу рядом с кроватью следователь заметил гитару и раскрытый блокнот, в котором от руки размашистым почерком набросано четверостишие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.